

Константин Бальмонт

ЗЕЛЕНый ВЕРТОГРАД

Слова поцелуйные

Он по садику гулял, в свои гусли играл.
Я люблю! Я люблю!
Звонко в гусли играл, царски песни распевал.
Я люблю! Я люблю!

Журчанье Белых Голубей

КОРМЩИК

– Кто ты? – Кормщик корабля.
– Где корабль твой? – Вся Земля.
– Верный руль твой? – В сердце, здесь.
– Сине Море? – Разум весь.
– Весь? Добро и рядом Зло?
– Сильно каждое весло.
– Пристань? – Сон. – Маяк? – Мечта.
– Достиженье? – Полнота.
– Полноводье, а затем?
– Ширь пустынь – услада всем.
– Сладость, сон, а наяву?
– В безоглядности – плыву.

ВТАЙ-РЕКА

Из глубокого колодца, из-под той крутой горы,
Где гнезда не строит птица, где не строит зверь норы,
Протекала полноводно, и течет, поет века,
Непослушная, живая, влага-пламя, Втай-Река.

Там на дне – лишь белый сахар, алый бархат, жемчуга,
Из глазастых изумрудов расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнее бережки,
На отлогостях сверкают желто-рдяные пески.

От Востока до Заката Втай-Реки идет длина,
От холодных стран до жарких растянулась ширина.
Глубину никто не знает, измеряли мудрецы,
Опускали в воду тяжесть, потеряли все концы.

А и что ж нам ведать тайны – тех, кто хочет тайну скрыть
Втай-Река не с мудрецами, хочет с сердцем говорить,
Прикатилась и вселилась в полнозвучные сердца,
Из глубокого колодца, без начала и конца.

ШАТ-РЕКА

Уж и что я вам, братья, сегодня реку:
Не ходите вы, братья, на Шат-Реку.
Глубока та Река шатоватая,
Плутовата она, вороватая.
И сшибает она с ума-разума,
Подойдешь к ней, – судьба твоя сказана.
Подойдешь, изопьешь, зашатаешься,
По прибрежной глуши нагуляешься.
Опьянит она зыбью глубокою,
Завлечет шелестящей осокою.
Не ходите вы к ней, не пленяйтесь вы ей,
А уж если пошел, так себя не жалей.
Загляни, потони, значит, так суждено,
Не видать с берегов, что скрывает там дно.

ТЕНЬ-РЕКА

Под густыми под кустами протекает Тень-Река,
Ты побудь над ней ночами, в час как тают облака,
Загляни в нее очами, – в чем, спроси, твоя тоска.

Оттого ль, что вот, взглянувши, ты увидел свой двойник?
Оттого ль, что птица ночи, промелькнув, послала крик?
Оттого ли плачут очи, что, дрожа, шуршит тростник?

Отодвинься, – отраженье отодвинулось в воде,
Опрокинься, – и стремленье не к воде ушло, к звезде,
Разуверься, – птица ночи есть везде и все ж нигде.

Промелькнув над Тень-Рекою черно-бархатным крылом,
В гости к Солнцу улетела птица тьмы ночным путем,
Чтоб позвать к нам птицу-пламя и сменить печаль огнем.

И казавшийся зловещим расшуршавшийся тростник,
Под опаловой росой, как под ласкою поник,
Перед ним в воде трепещет ожемчуженный двойник.

За дневною Тень-Рекою тьма ночная далека,
Все ночное будь хоть вдвое, а растают облака.
И под Солнцем, как червонцем, золотится Тень-Река.

СЛАДИМ-РЕКА

Течет она, течет она,
Река-Сладим течет.
Как сладость сна, идет весна,
Утрачен веснам счет.

Разъялся лед, нежна тоска,
Ключ Бездны заиграл.
Помчала всех Сладим-Река,
Белеет влажный вал.

Он хлещет всех, нас всех он взял,
Мы все в огне скользим.
Он мечет, крутит, пьяный вал,
Течет Река-Сладим.

СВИРЕЛЬНИК

Он Пророк и он Провидец, он Свирельник и Певец,
Он испил священной крови из раскрывшихся сердец.

Он отведал меда мыслей, что как вишенье цвели,
Что как яблоня светились и желаньем сердце жгли.

В белом свете, в алом цвете, в синем, в желто-золотом,
Был он в радугах вселенских освещен Огнем и Льдом.

Заглянул он в голубую опрокинутость зеркал,
Слышал шопоты столетий и нашел, чего искал.

Семиствольную цевницу он вознес, поет свирель,
Вековую он гробницу превращает в колыбель.

Торопитесь, насладитесь полнопевною волной,
Нарядитесь, освятитесь Морем, Солнцем, и Луной.

В стройном хоре дышит Море, в круге – блески всех светил,

Прикоснитесь в разговоре к собеседованью Сил.

АНГЕЛ ВСТРЕЧ

Во зеленом саду, в сновиденной я мечте.
Птица райская поет на превышенной высоте,
Птица райская велит быть в любовной чистоте.

Говорит она про наш неокованный закон.
Говорит она, поет, что раскрылся Небосклон,
И как будто бы звонит, и узывчив этот звон.

На престоле, в высоте, светлый Ангел наших встреч,
В золоту трубит трубу, золотой он держит меч,
Воссиянием своим он ведет с очами речь.

Посылает он лучи на зеленые луга,
Он велит волнам морским восходит на берега,
Он велит волнам морским оставлять там жемчуга.

Он сияет для очей ярче Утренней Звезды,
Он дает тепло лучей для продольной борозды,
В изумруды и в рубин одевает он сады.

Птица райская поет, и трубит огонь-труба,
Говорит, что мир широк и окончена борьба,
Что любиться и любить – то вершинная судьба.

АДАМ И ЕВА

Адам, первично-красный,
Ликующая плоть.
Из глыбы темно-страстной
Слепил его Господь.

Узывчивая Ева,
Прозрачная душа.
На первый зов напева
Пришла к нему, спеша.

Пришла к нему в невинный,
Сияющий Эдем.
Но этот сад пустынный
Для разума был нем.

И Ева воздохнула,

И поглядел Адам.
И долгий ропот гула
Прошел по Небесам.

Совсем в середине Рая
Красивый куст расцвел.
Адам сказал, не зная,
Что это – женский пол.

И раковина Моря
Раскрылась на кусте.
С зарею цветом споря,
И споря в красоте.

И в страсти обоюдной
Адам склонился к ней.
Обвил их изумрудный
Алмазноокий Змей.

Так пламенно горенье
Струил на них алмаз,
Что скрыл он выраженье
Змеиных этих глаз.

И дерево средь Рая,
Багряное, на снесь,
Растет – тела сжигая,
И жжет – чтобы гореть.

Менять уж невозможно,
Цвети, кто раньше цвел.
Адам сказал неложно,
Что это женский пол.

РАЙСКОЕ ДЕРЕВО

Развесистое древо
Сияет среди Рая.
Глядит Адам и Ева,
Глядят они вздыхая.

Сказали им, что можно
Все трогать, лишь не это,
Погибель непреложна,
Здесь слишком много света.

Не трогайте же, детки,
Красы тут непростые,
Серебряные ветки,

И листья золотые.

Растет оно из бездны,
Уводит в пропасть злую,
В темницы, что железны.
В гробницу расписную.

Но самое в нем злое,
Что есть в нем запрещенье.
О, древо роковое,
Ты сеешь возмущенье.

Под древом мягко ложе,
Усыпано цветами.
Прости, великий Боже,
Так нежно с васильками.

С багряным цветом розы
Сердца так вольно слиты,
Что все Твои угрозы
Мгновенно позабыты.

И ветки – молодые,
В них серебро сквозное,
И листья золотые,
Как солнце золотое.

Погубит ли нас это,
Целуясь, мы не знаем,
Но лишь завет запрета
Мы называем Раем.

ТО ДРЕВО

То древо, о котором
Теперь уж речь бесплодна,
Светло сияет взорам,
И ширится свободно.

Багряно, златовидно
В пылающей красе,
Любить его не стыдно,
Им в мире живы все.

И будто бы когда-то
Оно запретно было.
Неправда, аромата
В нем животворна сила.

Оно до края Неба,
Оно доходит в Ад.
В дупле есть много хлеба,
На ветках сонм услад.

Края всегда повиты
Душистыми цветами,
В них словно сказки скрыты
С цветистыми строками.

В корнях и мед и млеко,
Двенадцать свежих рек.
И все для человека,
Богатый человек.

Причудливые звери
В стволах выходят, входят,
И дети в светлой вере
Здесь хороводы водят.

И птицы столь всезвучно
Поют среди ветвей,
Что слушать их не скучно
Сто лет и вдвое дней.

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХ

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа – поле, слева – лес,
Много тут и там чудес.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не один стоит, их два.
И растет, поет трава.

Тот, направо, светлый он,
Словно день воспламенен.
А другой еще светлей,
Как пожар среди ночей.

И один хорош как тишь,
Как загрезивший камыш.
У другого же глаза –
Грозовая бирюза.

И один – светло поет,
Как напевность тихих вод.

А другой – молчит, молчит,
И как к битве закричит.

И один крылом взмахнет,
Шестикратностью блеснет.
И мгновенно для очей –
Годовых три сотни дней.

И другой крылом взмахнет,
Шестимолнийно сверкнет,
И внезапно для очей –
Триста огненных ночей.

Справа поле, слева лес,
Живо поле, лес воскрес.
Светел день, и ночь светла,
Богу вечному хвала.

БРАТ И СЕСТРА

– Кто ты, милый белый брат?
Как свеча твой светлый взгляд.
– Кто ты, бледная сестра?
Говорить давно пора.
– Первый ты откройся мне.
Очень страшно при Луне.
– Ты мне первая скажи,
Кто ты, что ты, расскажи.
– Я сестра твоя, сестра,
Вместе вышли со двора,
Как оставили наш дом,
Что Небесностью зовем.
– Я твой брат, твой белый брат,
Ангел, что ли, говорят,
Все хочу я побороть
На Земле земную плоть.
– Я сестра твоя, сестра,
Я душа, я звезд игра,
Если плоть мы освятим,
Без обиды победим.

БРАТ С СЕСТРОЙ

– Брат, над лугом ты трубишь
В свою золотую трубу.
Если меня ты любишь,

Скажи мне мою судьбу.
– Быть тебе вечно со мною.
И всегда быть белой, сестра.
Тебе уготован Луною
Путь серебра.
Если в часах – ты минуты
Захочешь, минуты одной,
На горы пойдешь ты круты,
В замок, где сон ледяной.
Если в минуте – минутней,
Воздушной захочешь быть,
Я буду с весною и с лютней,
И тебя научу любить.
Если ты птиц захочешь,
Голубей тебе дам, лебедей.
Если наряд свой омочишь,
Это брызги небесных дождей.
Если цветов захочешь,
Я тебе ландыш найду.
– Брат, ты нежно пророчишь,
А если я к Солнцу пойду?
– Если ты не боишься жгучих
Праздников вешней игры,
Иди, на превыспренных кручах
Я тебе приготовил шатры.
– Я белая, так, я белее,
Чем лилия тихих вод.
Но ты золотишься, и, рдея,
Поешь, твой голос зовет.
– Я зову на высокие выси,
Я зову до исподних глубин.
Я огонь в вековом кипарисе,
Я в пещерах полночных рубин.
– Зачем же тебе золотое,
Скажи, а белое – мне?
– Чтоб быть нам счастливее вдвое,
Чтобы Солнце сияло – Луне.

БОЖЬЯ КНИГА

Божью книгу я читал,
Божья книга – здесь, в саду.
Выпил полный я бокал.
К каждой букве приникал.
Пьяность в разуме. Я жду.

Божья книга хороша
Тем, что каждая душа
Видит в ней себя одну,

Видит также целый мир,
Видит собственный свой пир,
И вселенскую весну.

Божья книга хороша
Тем, что каждая душа
Может всю ее прочесть.
Через миг придет, спеша,
Глядь, еще в ней строки есть,
И цветут они, растут,
Здесь, и там, и там, и тут.

Божья книга, вот опять
Я пришел тебя читать.

ГОЛУБИЦА

Во саду, саду зеленом,
Под широким небосклоном,
От Земли и до Небес,
Возносилось чудо-древо,
С блеском яблоков-чудес.

Прилетев на это древо,
С воркованием напева,
В изумрудностях ветвей,
Молодая Голубица
Выводила там детей.

Молодица, Голубица,
Эта ласковая птица
Ворковала к молодым,
Говорила им загадки
Там под Древом вековым.

Говорила им загадки:
«Уж вы детки-голубятки,
Клюйте вы пшеничку здесь,
А в пыли вы не пылитесь,
Мир далекий пылен весь».

«А в пыли вы не пылитесь.
А в росе вы не роситесь».
Ворковала им она.
Только детки не стерпели,
Заманила ширина.

Голубятки не стерпели.
В мир широкий полетели,

Запылилися в пыли,
Заросилися росою,
Удержаться не могли.

Заросилися росою,
Застыдилися виною,
Голубица же нежна.
Там под яблонью живую
Оправдала их она.

КАК СОН

Я как сон к тебе ходил,
Оставлял свой цветик ал,
Я как сон к тебе ходил,
Я как луч тебя ласкал,
И в живом игрании сил
Из потопа выводил.

Из потопа, из волны,
Из прибрежных вязких трав,
Из мятущейся волны,
Из осоки и купав,
Из великой глубины
К свету Солнца и Луны.

Становил тебя, сестра,
Во зеленом саду,
Говорил тебе, сестра,
Что везде с тобой пойду.
Говорил тебе: «Пора!
Есть священная игра».

И Луною золотой
Осиян в живом саду,
Под Луною золотой
Я с душою речь веду.
Я с своею молодой,
Мы под яблонью святой.

И зеленый сад шумел,
Как тебя я целовал,
И зеленый сад шумел,
И раскрылся цветик ал,
И кружился голубь бел,
В час как Мир нам песню пел.

ПТИЦА РАЙСКАЯ

Мы ходили, мы гуляли в изумрудном во саду,
Во саду твоём зеленом мы томилися в бреду.

Мы глядели, как, зардевшись, расцветает нежный сад,
Мы хотели, чтоб скорее был нам спелый виноград.

Мы молили, искушали, вопрошали мы Судьбу,
Мы с дрожанием трубили в живогласную трубу.

Мы звонили, и звенели в Небесах колокола,
И была над нами в ветках Птица райская светла.

И потом мы утешались за дубовым за столом,
Пили, ели, прохлаждались, не заботясь ни о чем.

И потом мы пожелали, чтобы ум совсем исчез,
Мы манили и сманили Птицу райскую с Небес.

И потом мы перестали говорить: «А что потом?»
Гусли звонко в нас рыдали, поцелуйный был наш дом.

ГОЛУБЬ

Голубь к терему припал,
Кто там, что там, подсмотрел.
Голубь телом нежно бел,
На оконце ж цветик ал.
Белый голубь ворковал,
Он цветочком завладел,
Он его зачаровал,
Насладился, улетел.
Ах ты белый голубок,
Позабыл ты ал цветок.
Ах ты белый голубок,
Воротись хоть на часок.

УЛЕТИ

Из острогов, из затворов,
От косых холодных взоров,
От напрасных разговоров, –
Улети.

Птицей вольной, птицей белой,
Из темницы застарелой,
Унесись на подвиг смелый, –
Есть пути.

В миг один свершится диво,
И свободно и красиво
Засияет луг и нива, –
Захоти.

Пленным – крючья, пленным – пилля,
Но мечтой умножь усилья,
Вот растут, белеют крылья, –
Что ж, лети.

Камень тяжкий отвалился,
Душный свод тюрьмы раскрылся,
Прахом твой порог затмился, –
Отмети.

Будь же с нами, с голубями,
В голубом воздушном храме,
Мы помчимся облаками. –
Улети.

ВОРКУНОК

Уж очень, голубок,
Ты хитрый воркунок!
Затянешь, зажурчишь,
Разрушишь в сердце тишь,
Разломишь в нем ледок,
И манишь, и пьянишь,
О чем-то говоришь,
О чем и невдомек,
Заставишь воздыхать,
И стыдного желать,
Заночует сердце, глядь,
Вспорхнешь и улетишь.

СВАДЬБА ДУШ

Кто сказал, что будто Небо далеко от нас?
Солнце – в мыслях, Месяц сердцу светит каждый час.

Чуть помыслим, – это утро, это свет дневной,

Чуть полюбим, – это дымка с ясною Луной.

И Луна, побыв, как Месяц, в нежном серебре,
Станет Солнцем, чтоб тонули помыслы в заре.

И небесный серп, собравши жатву всех сердец,
Золотит колосья мыслей, их сплетя в венец.

Серебро в пресуществленьи золотом горит,
В мыслях жемчуг, в мыслях звездность, камень-маргарит.

Переливные опалы в озерной воде,
Свадьба Месяца и Солнца, зов звезды к звезде.

Не поймешь, когда полюбишь, двойственных речей,
Только будь как пламень Солнца, луч среди лучей.

Не найдешь раздельность Неба и Земли родной,
Если разум обвенчаешь с царственной Луной.

ПРИХОДИ

Вкруг сада – из рыбьих костей я построил забор.
На них положил изумрудно-серебристый ковер,
Который я сплел из змеиных и рыбьих чешуй.
Приходи, и яви мне свой взор.
Приходи, поцелуй.

Снежащийся свет днем исходит от рыбьих костей,
А в ночь загорается в них словно нежный светляк.
Сказать, почему? Ведь они же из бездны морей.
А Солнце в морях засыпает на время ночей,
И в них спит Луна, перед тем как пробудится мрак.

В ковре серебро, и в ковре золотой изумруд.
Сияний таких ни слова, ни века не сотрут,
И зыбь – без конца в тишине многолиственных струй.
Приходи, о, скорей, я уж тут,
Приходи, поцелуй.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болит, а уму не говорит?

Я люблю. Я люблю.

Отчего огонь в крови, хоть зови, хоть не зови?

Я люблю. Я люблю.

Отчего на Небесах звезды ясные в венцах?
Я люблю. Я люблю.
Отчего из темноты дышат пьяные цветы?
Я люблю. Я люблю.
Отчего в журчаньи струй так и бьется поцелуй?
Я люблю. Я люблю.
Отчего к цветку цветов посылает лепесток?
Я люблю. Я люблю.
Отчего в твоих глазах и желание и страх?
Я люблю. Я люблю.
Отчего ж ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

ДЛЯ СЕСТРЫ

Для сестры моей, любви, есть лазоревы цветы,
Есть лазоревы цветочки самой свежей красоты.

Самой свежей, самой нежной, из-под первой той росы,
Для сестры моей, любви, и другие есть красы.

На холме, холме зеленом есть высокий теремок,
Под оконцем воркованье, стонет белый голубок.

Голубь нежный, белоснежный, он проворный, круговой,
Чуть крылами затрепещет – он со стаею живой.

Проворкует, нас, мол, много, это правда, а не ложь,
За одним другой и третий, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькают, затрепещут, крылья блещут и горят,
Для сестры моей, любви, в Небе выпросят наряд.

В самом Небе, в синем Небе, у высоких облаков,
Уж помолят, уж попросят бирюзы и жемчугов.

Уж помолят, уж попросят изумрудов, жемчугов.
И атласа отливного, и тончайших шелков.

Небеса ли им откажут, в Небе много там всего,
Для сестры моей, любви, и для счастья моего.

ПО БЛАГОДАТИ

Мы не по закону,
Мы по благодати.

Озарив икону,
Ляжем на кровати.

Мы не знаем брака
Выше, чем желанье.
Мы в глубинах мрака
Яркое сиянье.

Вне сцеплений слова
Льются наши речи.
Может, будем снова
В столь же вольной встрече.

Может, неповторен
Праздник нашей страсти.
Пусть. Чертог узорен
Двух свободных счастлих.

ШУТКА ЦВЕТОВ

Я вошла в зеленый сад,
Повидалася с цветами,
Разноцветные горят,
Цветом с сердцем говорят:
«Ты люби зеленый сад,
Ты побудь подальше с нами».

Я не слушалась цветов,
А они, в пахучей силе,
А они, – их нрав таков, –
Трепетаньем огоньков,
Воссияньем лепестков.
Надо мною почудили.

В терем свой от них ушла.
И с фиалкой голубою
Я заснула, я спала,
Я во сне была светла,
Я чего-то все ждала,
И проснулася – с тобою.

ОДЕЖДЫ РАЗНЫ

На теле нашем, на нашем теле
Одежды разны – одна черна,
Потом серее, потом зардели –

Красней, бледнее, как снег бледна.

Не будем медлить в одежде черной,
И сбросим серый слепой покров,
И с красной лентой, с одной узорной,
Мы явим свежесть и свет снегов.

И будем в вихрях, и будем в светах,
И будем ночью светлей, чем днем.
В телах воспетых и в снег одетых
Живое счастье горит огнем.

БОЖИЙ ХРАМ

Наше тело – Божий храм,
В храме дай гореть свечам.
Любишь Бога, так смотри,
Храм достойно убери.

Чтобы ладан нежный в нем
Был с молитвенным огнем,
Чтобы тихий звон кадил
Прямо в сердце заходил.

Чтобы к храму льнул другой,
Тоже Божий – и такой,
Как бывает вешний сад,
В час как все цветы горят.

ЧЕРНОМУ ВРАНУ

Если спросит Черный Вран: –
«Ты откуда, Белый Дух?
Отчего в тебе все бело?» –
Ты пред ним промысли вслух: –
«Уж такой закон мне дан,
Черный Вран, Черный Вран,
Белый я телесный дух,
И духовное я тело,
Так Раденье захотело,
Ибо мы – из Белых стран.
Ты же, Вран,
Черный Вран,
Каркай! Прочь!
В мрак и в ночь!
Прочь от сих Восточных стран!»

ЗАВЕТ

Если хочешь рай блюсти,
Чисто комнату мети,
Чтобы пол и потолок
Был пресветлый теремок.

Чтобы не было темно,
Полюби свое окно,
Чтоб была игра стекла
Незапятнанно светла.

Если хочешь нежить рай,
За цветами надзирай,
Чтобы твой цветущий сад
Был как огненный закат.

В БОГЕ

Как быть в Боге? – Свет найти,
Не в дороге, а в пути.
А дорога-путь одна: –
Пить любовь, и пить до дна.

Выйди к травам, посмотри! –
От зари и до зари
Пчелы вьются меж цветов,
К ночи светлый мед готов.

Выйди ночью, и взгляни: –
Птичий Путь. Горят огни.
Белый свет. Люби, цветы.
Будь звездой во плоти.

ВЕНЧАНИЕ

Из древнего Молчания
Доходят голоса,
Зовут нас на венчание,
Идем, моя краса.
Для светлого веселия
Рождаемся мы в мир.

Таинственные зелия
Вмешались в этот пир.
Колдующие зелия
Сумею победить.
В глухие подземелия
Ведет цветная нить.
Слепыми переходами,
Тропинкой винтовой,
Умолкнувшими водами,
К обители живой.
К тому ли средоточию,
Что в самой глубине,
Где узрим мы воочию
Крещение в Огне.
За этим – посвящение,
Причастие глубин,
Сожженье – очищения,
Одна ты, я один.
Мы в таинстве венчания,
Мы стали два в одном.
Нас древнее Молчание
Окутало кругом.

ЗВЕЗДНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Если, после поцелуя,
Темной ночью выхожу я.
На тесовое крыльцо,
Освежить свое лицо,
Звезды искрятся, ликуя,
По небесной вышине,
Словно в жажде поцелуя
Расцветаются оне.
И в молитвенной истоме,
В пробужденности и в дреме,
В сердце чувствуя зарю,
Слитно с Небом я горю,
Словно в светлом водоеме
Брызги – здесь, и брызги – там,
Мы в молитвенной истоме
Сопричислены к звездам.

ЗОЛОТЫЕ ЗЕРНА

Смотрите, братья-голуби, смотрите, сестры-горлицы,
Как много вам различного пшеничного зерна.

Нам зерна эти светлые, о, духи светловзорные,
Вечерняя, рассветная послала вышина.

От той звезды, что первая в вечерней светит горнице,
От той звезды, что первая сияет поутру,
Ниспослан этот колос нам, и зерна в нем повторные,
Берите это золото, я сам его беру.

Вы, облачные голуби, покорливые горлицы,
Снежите взоры крыльями, белейтесь в золотом.
Вам зерна золотистые, вам облака узорные,
Вам солнечный, вам месячный, небесный Божий Дом.

СВЕЧА

Если ты зажег свечу,
Ты не прячь ее под стол.
Если ты сказал – хочу,
Ты люби хотящий пол.

Если ты пасешь овец,
Ты сплети себе руно.
Ты почувствуй наконец,
Для чего нам все дано.

И красивый – женский пол,
И могучий – пол мужской.
Если правду ты нашел,
Не ищи себе другой.

СВЕТ ЧУДЕСНЫЙ

Свет чудесный, свет прелестный светит нам с Небес,
Он в другом краю засветит, раз в одном исчез.

Он в одних очах кончает, а в очах других
Чуть заметно начинает, как запетый стих.

И одни темнеют очи, чтоб в ночи уснуть,
Чтоб другим, в угрозу Ночи, вместо них блеснуть.

А заснувшие сияют – где шатер Небес,
Чтоб не думали, что будто ночью свет исчез.

ЧУДО

Со мной случилось чудо,
Я – здесь, и я – не здесь.
Я вдруг ушел отсюда,
И мир увидел весь.

Уж как-то так случилось,
Что я вошел в себя.
Бесшумно дверь раскрылась,
Я сплю, весь мир любя.

Как в раковине Моря
Напев и жемчуг скрыт,
Молчу, ни с чем не споря.
А Море мне шумит.

И будто бы не сплю я,
И будто бы я сплю.
Я в счастья поцелуя
Стозвонный мир люблю.

Как в раковине Моря
Напев и жемчуг скрыт,
Молчу, ни с чем не споря,
А Море мне шумит.

БЕЗ КОНЦА

– Что ты делал, где ты был
За туманами могил?
– Нет могил. Могила – дверь.
Был я птица, был я зверь.
– Был ты птицею какой?
Добрый был ты или злой?
– Был я волк, и заяц бел,
В Небе жаворонком пел.
– А потом? А что потом?
Где ты шел? Каким путем?
– В разном был, всего вкусил.
Через двери проходил.
– А потом? А что потом?
Мы с тобой куда идем?
– Без конца по Бытию.
Видишь: песни я пою.

СТИХ КОРАБЕЛЬНЫЙ

Мы в двух горницах соседних, и в едином терему.
На таинственных обеднях, посвящаемых Уму.

Ум – алмазный устроитель возносящихся дворцов,
Наш божественный хранитель, дарователь всех венцов.

Мы в двух горницах отдельных, мы за тонкою стеной,
В час радений корабельных будем в горнице одной.

Помолчал я, постучал я, и распалася стена,
Красоту души встречал я, красота души одна.

Хоть и много есть у Бога расцветающих цветов,
Но одна ведет дорога к предызбраннице веков.

Походили мы по дальным, по лазоревым звездам,
Уж скитаниям печальным больше сердце не отдам.

Хоть лазоревы и чудны звезды выси голубой,
Хоть златисты, изумрудны, тяжело быть мне врозь с тобой.

Ты пришла с Звезды Лазурной, я пришел с Звезды Рубин,
Оба были в сказке бурной, двум Земля – приют один.

И теперь в великом чуде мы в раденьи Корабля,
Светят очи, дышут груди, в Небе царствует Земля.

ПОСЛАНИЕ К ГОЛУБИЦЕ

Уж ты птица голубица,
Нежна горлица моя!
Ты предивная страница
В благовестии бытия!
Ты пресветлая картина
Между всех живых картин!
Ты слиянье воедино
Всех созвездий и вершин!
Ты открывшая мне дверцу
В наш волшебный теремок!
Ты явившаяся сердцу
Как божественный намек!
Ты явившаяся взору
Как живой родник в пути!
Ты возведшая на гору,
Нам с которой не сойти!
Ты проведшая чрез реки,

На высокое крыльцо!
Подарившая навеки
Звездотканное кольцо!
К голубице – голубочек,
Благовонная камедь!
Исписался весь листочек.
Не сумел тебя воспеть!

ГОРЛИЦЫ-ГОЛУБИ

Горлицы белые, воркуйте поутру,
Горлицы белые, воркуйте ввечеру,
Голуби белые, спешите им помочь,
Голуби белые, воркуйте целу ночь.

Пить вам захочется, всем будет вам питье,
Есть вам захочется, вот яствице мое,
Светло-духовное пшеничное зерно.
Белому белое для радости дано.

КАЖДЫЙ

Каждый, ежели дойдет
До сияющих высот,
Нам приносит в бытие
Благовестис свое.

Каждый вступит в звездный счет,
В ком молитвенность течет,
По духовной он Реке
Устремится в челноке.

Каждый цвет весной цветет,
В каждой соте светлый мед,
Так не старостям Зимы
Поучаться будем мы.

СЛОВО БОЖИЕ

Слово Божие – в пчеле,
В талом снеге, и в земле,
Указующей – цветком,
Для чего сквозь тьму идем.

Слово Божие – в волне,
В прибывающей Луне,
В воркованьи голубей,
И в очах любви моей.

АНГЕЛЫ НЕБЕСНЫЕ

Ангелы Небесные
Писанье ли читают?
Ангелы Небесные
Не в Небе ли летают?

Птицы поднебесные
Не звонко ли поют?
Помыслы чудесные
Не в цветиках ли ждут?

КЛЮЧИ

Солнце встало, с ним – лучи,
Держит Бог в руках ключи,
Бог ключи роняет вниз.
Только Солнцу помолись.

Не по книгам доходить,
Чтоб цветную выткать нить.
Ты на радугу смотри,
На жемчужности зари.

Ты смотри в глаза того,
Сердце чувствует кого,
Ты смотри и ты колдуй.
И целуешь, так целуй.

КУДА ЖЕ?

– Куда же ты сердце свое простираешь?
– Я его простираю к Раю.
– Но разве об Аде ничего ты не знаешь?
– Нет, не знаю.
– Есть Ад претрашный, есть Ад прегрозный,
Жгучий, морозный.

Там цепкие крючья, и те, что здесь лепы,
Попадают в вертепы.
А в этих вертепах у бесов свирепых
Есть когти преостры.
Смиритесь же, братья, побойтесь проклятья,
Побойтесь вы, сестры.
И ты утрашился, безумный свирельник,
Я пропасть твою не измерю,
Ты знаешь, ведь будешь в огне ты, бездельник.
– Не верю.
Зачем быть в Аду мне, когда я пылаю
Пресветлой свечою?
Я сердце и здесь на огне оживляю,
И радуюсь зною.
И светом рожденное жгучее Слово
Ведет нас в восторг торжества золотого,
К нетленному Раю.
Я знаю.

ЧУЖИМ

Нас чужие спросят: «Кто же вы такие?
Что у вас на сердце? Что во власти есть?»
Мы, пожалуй, скажем, гости дорогие,
Только вы сумеете раньше звезды счесть.

Есть у нас чертоги, где, хоть нас и много,
Светим мы жемчужно в дружной красоте.
Есть у вас дороги, есть у нас дорога,
Лишь одна дорога, лишь к одной черте.

Но подробно молвить вам мы не сумеем,
Что порою восемь меньше, чем одно.
Тот, кто побыл в круге, что вскипает Змеем,
Сразу – ожерелье, и одно звено.

Есть у нас деревья с вечными плодами,
Кони боевые, трубы, и кресты.
Но кресты подвижны, в светлой пляске с нами,
Кони ржут певуче, в трубах звук мечты.

Золотые ризы, белые виденья,
Розовые сказки, знание вперед,
И забвенья знанья, утро наслажденья,
Первый день – и много... Потерялся счет.

ПРОСТЫЕ

Мы пожалуй и простые,
Если истина проста,
Если волны золотые
Есть простая красота.

Мы пожалуй неучены,
Да на что ж ученость нам,
Если сердце слышит звоны,
Что проходят по цветам.

АКСАМИТ

Кто не ценит аксамит,
Тот безумно говорит.
Кто на тело восстает,
В темной кузнице кует.

Тьму кует он без огня,
Лишь стуча, а не звеня.
Паутину, и аркан,
Удушающий туман.

Раз не любишь Красоты,
Как крылатым будешь ты?
Тело – брат, душа – сестра,
В обрученье их игра.

ОТ ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

От всех четырех сторон,
Изо всех четырех мы стран,
Но один нам для всех закон
Нашим собственным сердцем дан.

Эй, туман, расступись!
Здесь Восток! Все зажгись!

Эй, сияй, пышный луг!
Здесь целующий Юг!

Эй, цветок, тки наряд!
Здесь багряный Закат!

Эй, наш дух, бел будь весь! –

Север здесь! Север здесь!

Так вот и будем мы в чуде расцвета,
С снегом январским венчаем мы лето,
Дух обручаем мы с телом живым.
Где он? За ним! Мы летим! Мы летим!

ГОЛУБКА С ГОЛУБКОМ

– Отчего, сестра, молчишь,
Ничего не говоришь?
– Мне, мой братик, очень внове
Свет цветов, хождение в слове.
То раскроюсь, то сожмусь,
Братьев, братика боюсь.
– Ты не верь себе, сестрица,
Будь как в Небе голубица.
Со цветами будь цветок,
Говорил для нас Пророк.
И Пророчица нам пела,
Говорит – любитесь смело.
– Милый братик, я люблю,
Доверяю Кораблю.
Да сама душа пророчит,
Вдруг уйти от братьев хочет.
Не на все, на часок. –
Засмеялся голубок.
Встрепенулись, поглядели,
Улетели, в самом деле,
Улетели в темноту,
Засветили там мечту.
Сестры, братья замечали,
Ничего им не сказали.
Коли хочется, так что ж,
Уходи, опять придешь.

ГОЛУБИНЫЕ ПОВАДКИ

За голубками следи да примечай.
Ты подумаешь, что все в них невзначай,
Вправду ж, есть всему в них счет, хоть не расчет,
Все им ведомо, что с часом притечет.

Коль голубка проворкует девять раз,
Это значит, что тепло идет на нас,
Если ж более, чем девять, пропоет,

Это значит, будет теплым целый год.

А когда она воркует без конца,
Это значит, что готовы два венца,
Золотые, не простые, лишь для двух,
У которых в двух телах единый дух.

СВЕТЛЫЙ ЛЕС

Есть и светлые леса,
В них пойдём, моя краса,
В них мы будем по весне
Проходить как бы во сне.

И прижмемся при Луне,
Я к тебе, а ты ко мне.

Мы увидим там с тобой
Колокольчик голубой,
Колокольцев этих звон
Словно сон со всех сторон.

Лес наш – светлый, это – он,
Если звон со всех сторон.

Колокольчики поют,
Вот давай присядем тут,
В звонах столько серебра,
Как любви во мне, сестра.

Говор в звоне серебра: –
Уж весна пришла. Пора.

СВАДЬБА

Я венчалась с дружкойм
Под кусточком под кустом,
Платье свадебно Луна
Убелила с высоты,
Наша церковь – тишина,
Гости свадебны – цветы.

Под кусточком под кустом
Там и свадебный был дом,
Были певчие у нас:
Между ладанных ветвей,

Всю-то ночь пел – как раз
Надо мною – соловей.

Обручала нас весна,
Обвенчала тишина,
И на яблоне лесной
Осыпались лепестки.
Хорошо ль тебе со мной?
Вечно ль будем мы дружки?

ГОЛУБАЯ ЗАУТРЕНЯ

Плавучими туманами
Одет под утро лес.
За белыми полянами
Уж лик Луны исчез,
И белыми полянами
Проходим мы с тобой.
Зовет гостями зваными
Нас цветик голубой.

Велит нам быть веселыми,
Еще прийти с тобой.
Светло звонить над долами
Заутреней цветной.
Над синими над долами
Звонит он Кораблю.
Равняет мысли с пчелами,
«Люблю» поет, «Люблю».

КОШНИЦА

Я дождусь заповедного времечка,
Разбирать буду каждое семечко.
Разберу семена, разгляжу, положу,
Что увижу, и в чем, никому не скажу.
А когда разложу семена по рядам,
Буду в гости я ждать Светлоокою к нам.
О нарядных цветах затоскует Весна,
Тут я ей послужу, посажу семена
Тут я ей покажу: как вверху глубина,
У меня звезд земных вся кошница полна.

САД МОЙ САД

Сад мой сад, таинственный,
Свет живой воды,
Между звезд единственный,
Рдяные плоды.
Кто-то Светлый ходит в нем,
Нежит лепестки,
Кто-то Стройный бродит в нем,
Сном поит цветки.
Зыбкою дремотою
Радует траву,
Тонкой позолотою
Пестит он листву.
Божими он дочками
Синь-цветки зовет,
С белыми цветочками
Водит хоровод.
Нежное, чудесное
Вводите он в мечты,
В Царствие Небесное
Все глядят цветы.

НЕЗАБУДОЧКА

Незабудочка цветочек
Очень ласково цветет,
Для тебя мой друг-дружочек
Над водицею растет.

Над водицей, над криницей,
Над водою ключевой,
На заре с звездой-звездицей
Говорит – ты будто мой.

Незабудочка цветочек
Нежно-синенький глазок,
Все зовет тебя, дружочек.
Слышишь тонкий голосок?

ВЕТЕР БУЕН

Ветер буен пролетал,
По листочкам трепетал.
Я же, весела,
В глубь по саду шла.

Ветер буен в цветик ал
Закрутился, в нем запал.
Колдовал цветок,
Мне и невдомек.

В сердце дума весела,
И без думы я была.
Подошла к цветку,
К нежну лепестку.

Приоткрылся цветик ал,
Прямо в сердце мне дышал.
Мил мне ал цветок,
Милый уголек.

Наклонилась я к нему,
Пошатнулась, не пойму.
Словно ветерок
Закружил листок.

Прикоснулась я к цветку,
Чую сладкую тоску.
Нравится мне цвет.
Рвать его иль нет?

Буен ветер восставал,
Многоструен овевал.
Больше нету сил,
С ног меня свалил.

Закружилась голова,
Я лежу, едва жива.
Ветер – враг? Иль нет,
Верно, алый цвет?

ЦВЕТОЧКИ

Я по рощице ходила,
В ней бродила поутру,
Про себя я размышляла,
Что цветочков наберу.
Что цветочков я немало
Заманю в свою игру,
А уж силушка-то сила
В сердце выхода просила.

Я лазоревых цветочков
Меж листочков набрала,

Я сама не замечала,
Как далеко я ушла,
Я золотой цветок срывала,
И душа была светла,
Вдруг увидела кусточек,
Под кусточком мой дружок.

Уж такой ли ал цветочек
Мой дружок мне сорвал.
Я дрожала и не знала,
Как мне скрыть тот цветик ал.
Так уж стыдно, небывало
Тот цветочек расцветал,
Не могу теперь дружок
Отпустить из-под кусточка.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Как мне страшно было, сестры.
Я из сада в лес ушла.
Мотыльки там были пестры,
И калина там цвела.

И уж долго ль там была я,
И гналась за мотыльком,
Я не знаю, – только, алая,
Ведьма стала над путем.

Снизу ль вышла, сверху ль встала,
Или с боку подошла. –
Очи злые, светят ало,
А во рту – и ночь, и мгла.

Я гляжу, она все ближе,
И кривится, и растет,
Кости гложет, кости нижет,
Ожерелье мне плетет.

Рот раскроет и закроет,
Справа вечер подступил,
Рот раскроет, филин воет,
И полночный час пробил.

От веселья иль от злости
Все светлей глаза у ней,
Все страшней белеют кости,
Я – бежать, она – «Не смей».

Погрозилась, я застыла,

Я стою, и сплю – не сплю.
Целый лес моя могила,
Как вернусь я к Кораблю?

Только вдруг вдали запели
По деревне петухи.
Где я? Что я, в самом деле?
Ах, напасти! Ах, грехи!

Чья-то дивная избушка,
Я пред дверкою стою,
И предобрая старушка
Нежит голову мою.

Говорит: «Вот так-то все мы
Через это все прошли, –
Да пред этим звезды немые,
А теперь поют вдали».

И воистину, сестрицы,
Звезды пели надо мной,
И лазоревы зарницы
Вились лентою цветной.

А из лесу-то пошла я,
Мне дала старушка бус,
И совсем она не злая,
Ничего я не боюсь.

А как вышла я к долине,
Вижу чудо – меж ветвей,
Не цветы уж на калине,
Много ягодных огней.

Словно алые кружочки,
Словно цвет родил звезду,
И сижу я здесь в садочке,
А опять я в лес пойду.

НА КРОВАТКЕ

На кровати на тесовой
Вешний сад.
Там дружок мой непутевый,
Говорят.
Говорит-то это птица
Над избой,
Да еще вот половица
Под ногой.

Он с кровати поднимался,
Восставал,
Через оконце наклонялся,
Цветик рвал.
Через оконце этот цветик
Он пронес.
Уж мне стоил этот цветик
Много слез.
И какие эти слезы,
Не пойму.
Все ему отдам я розы,
Все ему.
С ним весь мир какой-то новый,
Все свежо.
На кровати на тесовой
Хорошо.

СОН

Меня сон не берет,
Из ума мой мил нейдет.
Где то он? Уж темно.
Месяц смотрится в окно.
Где то он? Где то он?
Приходи ко мне хоть сон.

А сон соскользнул,
На ресницы мне дохнул,
Пошептал – приведу,
Засвечу твою звезду.
Где то он? Где то он?
Разморил меня мой сон.

Гляжу, не гляжу,
Вся как пьяная лежу.
Звезды, что ль, в цветах горят?
Это горница иль сад?
Это он! Это он!
Ах как светит Небосклон!

ПРОЗРАЧНОСТЬ

Я взглянула из окна,
Вижу – белая Луна.
Слышу – сладко меж ветвей
Распевает соловей.

Сладкопевец распевал,
В Небо голос подавал.
В Небе звезды с высоты
Упали на цветы.

Чем нежней незримый пел,
Тем был больше Месяц бел,
И светлей в зеленый сад
Лился звездный водопад.

И красавица Луна
Так была в конец бледна,
Что как призрак с высоты
Опрозрачила цветы.

И от звезд и от цветов
Столько всюду было снов,
Что навек в душе моей
Не смолкает соловей.

ЗАВОРОЖИЛ

Душу обнял ты мою,
Светловзор, тебя пою.
Чем меня заморозил?
Ведь не золотом кудрей,
Хоть в саду ты всех светлей,
Хоть из всех ты сердцу мил
Изумрудностью очей,
Воркованием речей.
Хоть и этим упоил,
Да не этим душу ваял,
И не этим во дворец
Манишь столько ты сердец,
В самый праздничный наш зал.
Тем, что взор твой отразил
Несосчитанность светил,
Тем, что голос твой – весна,
Сине-Море-глубина,
Тем, что каждый поцелуй
У тебя как свежесть струй,
Тем, что телу дав мечты,
В теле душу обнял ты,
Этим, этим, меж сердец,
Взял мое ты наконец.

КРУТОЙ БЕРЕЖОК

Хорошо ль вы, братцы, почивали,
Хорошо ль вы спали, ночевали?
Я-то добрый молодец, хоть спал,
Только плохо сердцем почивал.
Снилось мне, что бережком я красным
По крутым местам пошел опасным,
Был мне люб тот красный бережок,
Как он крут, мне было невдомек.
Загулялся я, и оступился,
Бережок тот красный обвалился.
Оступился левой ногой,
Ухватился правою рукой
Я за древо крепкое, кручину,
И держу, и древо не покину.
Так вот здесь, над быстрою водой,
Весь свой век скончаю молодой.

БЕЛАЯ ПТАШКА

Розовая кашка
В заре расцвечалась.
А белая пташка
По садику металась.
Самая белая
Меж белых райских птиц,
Самая несмелая,
С ветвей упала ниц.
Крылышком махает,
Крылышками блещет,
Сердцем воздыхает,
На земле трепещет.
Мать моя родная,
Мать Земля сырая,
Исповедь мою
Я не утаю.
Ветви – изумрудны,
От сестриц там бело,
Ветви – многочисудны,
Быть там не сумела.
Что-то закружилось,
Что-то повлекло,
В вихре я носилась,
Стало тяжело.
Я была в уславе,
В саде и не в саде,
Выше изумруда,

Новое там чудо.
Дух мой захватило.
Выше быть ветвей!
Слабость или сила,
Но была я – с ней.
С сладостию, с нею,
Быть хочу опять,
Лишь о ней жалею.
Больше – не видать.
Полно, птичка, биться
О сырую землю.
В сердце все вместится,
Сердцу здесь я внемлю.
Я твоей был силой,
Слабостью несмелой.
С пташкой белокрылой
Быть мне птицей белой!

ЖЕМЧУЖИНА ПЕРЛАМУТРОВНА

Я приду к тебе в навечерие,
Буду ждать тебя у преддверия,
Чтоб в заветный час мне увидеть свет
Ненаглядных глаз, где на все ответ.

Я приду к тебе как наитие,
Буду ключ золотой для раскрытия,
Чтоб душа душе, о, Жемчужина,
Вся была сполна обнаружена.

Я приду к тебе как к заутрене,
Я Жемчужине Перламутровне
Прошепчу сквозь дверь: «Отомкни теперь.
Я люблю тебя. Отворись и верь».

В РАКОВИНЕ

– Ты где была, Жемчужина, когда я ждал тебя?
– Я в раковине пряталась, и там ждала – любя.
– О чем же ты, Жемчужина, там думала в тиши?
– О радости, о сладости, о счастии души.
– И в чем же ты, Жемчужина, то счастье нашла?
– В дрожании сознания, что ввысь взойду – светла.
– А знала ль ты, Жемчужина, что терем твой сломлю?
– Он темен был, я светлая, я только свет люблю.
– А знала ль ты, Жемчужина, что после ждет тебя?

– Я отсвет Лун, я отблеск Солнц, мой путь – светить любя.

ЗВЕЗДНАЯ МЫСЛЬ

– О, сестра моя дарованная,
Лучшей мыслью облюбованная,
Солнце, Море, все мое,
Что ты видишь? – Лезвие.
– О, сестра моя, пленительница,
Звездных мыслей обольстительница,
Что грозит нам лезвием?
– Лес. – Но мы в Саду вдвоем.
– Лес грозитя нам разбойниками,
Смертлюбами, покойниками.
– Для чего ж идти нам в Лес,
Если столько здесь чудес?
– Если я Судьбой дарованная,
Звездной мыслью облюбованная,
Я хочу их просветить,
В яму к свету бросить нить.
– О, над душами гадательница,
Золотая сострадательница,
Если ты горишь в Саду,
Видит Лес – из тьмы – звезду.
И свободны волей яменники,
Захотят, придут пламенники,
Не хотят, продолжают путь,
Ты же, звездность, в звездах будь.

ВЕРШИННЫЙ СОН

Если жемчуг, сафир, гиацинт, и рубин
С изумрудом смешат, превративши их в пыль,
Нежный дух ты услышишь, нежней, чем жасмин,
И красиво-пьяней, чем ваниль.
В аромате таком есть фиалка весны,
И коль на ночь подышишь ты тем ароматом,
Ты войдешь в благовонно-стозвонные сны,
Ты увидишь себя в Вертограде богатом,
В Вертограде двенадцати врат,
Где оплоты подобны сияющим латам,
И рядами в стенах гиацинты горят,
И рядами алеют и льются рубины,
И рядами, как возле озер – берега,
Изумруды, сафиры горят, жемчуга.
Кто-то шепчет тебе: – «Ты единый!

Посмотри, посмотри: –
Здесь заря – до зари.
Любишь?» – «Счастье! Люблю». – «Повтори! Повтори!»
«О, люблю!» – Как сияют вершины!

ЛАДАН

Есть ладан и ладан. Есть ладан простой,
Хоть свет от него золотой.
И дух его, синий расцвет фимиама,
Есть чара вечернего храма.

Есть ладан, который – от утренних рос,
От ночи, от зорь, и от слез.
И столько ль молитв, как сердечного зноя,
В пахучем дыханьи бензоя.

ВО ХРАМЕ НОЧНОМ

Во храме ночном
Бряцают кадила.
Башенный звон притих.
Ладан, бензой, киннамом,
Реет Небесная сила,
И стройный поется стих.
«Сестра ожиданий моих,
Звезда исканий полночных.
Огонь мгновений урочных,
Когда нельзя не любить.
Ценный камень, в котором
Пламени – жаждущим взором
Поют воссиявшим хором.
В тайну – лучистая нить.
Несокрушимость, основа
Для золотого.
Жданного,
Столь осиянного,
Храма.
Весь мир для тебя лишь лучистая рама,
Весь мир для того лишь возник,
Чтоб из сердца, где вспыхнул клад,
Где вот эти огни горят,
Вывался крик,
Пламенно-жаркий,
И знающий также, как сладостна тишь,
В молитве безгласной и яркой,

Когда как звезда ты горишь,
Когда как Луна ты, как Солнце, как Бог,
Как радуга молний, как шопот, как вздох,
Как зов из-за дали морей,
Наконец возвестивший: "Пора!
Приходи, я тебя увенчаю всем блеском расцветших ветвей".
О, сестра!
Я хотел бы все звезды, все души замкнуть
Для тебя, здесь, в душе просветленной моей.
О, сестра!
Ты – путь».
Ладан, бензой, киннамом,
Бряцанье пахучих кадил.
«Брат, ты отрада, ты мой, ты мой дом,
Брат, сколько счастья в огне голубом.
Звезды Господь – для тебя засветил,
Для тебя все цветы расцветил».

ТИХИЙ ДОН

«И времени больше не будет...»

Откровение

На тихом на Доне,
В сияньи и в звоне,
Цветет зеленеющий сад.
Летают там птицы,
Сияют зарницы,
Стоят там светлицы,
Горят.

В светлице столовой
Там стол есть дубовый,
Двенадцать любимых за ним.
Они не страдают,
Они обладают,
В них сумраки тают,
Как дым.

В светлице столовой,
В той горнице новой
И вечной как Солнце и свет,
Двенадцать красивых,
Бессмертно-счастливых,
Все в мире – в разрывах,
Здесь – нет.

В немом поцелуе
Застывшие струи

Молчаньем окованных вод.
и звон колокольный,
Над бездною дольной,
В уют тот безбольный –
Зовет.

ГОЛОС

Был голос из-за облака: – Пребудьте в бытии.
Послушайте, вы, голуби, вы, верные мои.
Затеем мы огнистую снежистую игру,
Я плоть себе пречистую покровом изберу.
Я в эту ткань богатую по-царски облекусь,
Не тенью к вам крылатою, а весь как есть явлюсь.
И будет дух – в кружении, как голубь круговой,
В сверканьи и в горении в свирельности живой.
В великой осиянности кружащихся планид,
В блаженной несказанности, в которой буря спит.
И вот – и вот – идет она, идет она, растет,
В душе горячим молниям забыт-утрачен счет.
Мы в бешеной любовности, мы в белых облаках,
В великой безгреховности, в свежащих нас громах.

БОГ ЖИВОЙ

(Голуби)

Ты оставь чужих людей,
Ты меж братьев порадей,
Богом-Духом завладей.

Люди ходят так и сяк,
Входят в свет и входят в мрак,
А не знают вещей знак.

Мы же – посолонь всегда,
Наша – светлая страда,
И несбивчина – Звезда.

Бог есть мертвый, Бог живой,
Бог живой да будет твой,
Поспешай, Господь с тобой.

БОГ ЖИВОЙ

(Горлицы)

Бог живой, везде живой,
В Небошири голубой,
В Солнце, в Месяце, в звезде,
В протекающей воде.

В громоздящихся китах,
В еле видимых цветах,
В паутинке на ветру,
В сне последнем поутру.

АЗ ЕСМЬ БОГ

Аз семь Бог, в веках предсказанный,
Из глубин своих развязанный,
Из глубин своих свобод
Вставший здесь, как миг и год.

Аз семь Бог и откровение,
Темным душам во спасение.
Светлым душам в поцелуй,
Да поют, любя: «Ликуй!»

Аз семь Бог вочеловеченный,
Звездоликостью отмеченный.
Всех других богов не счесть,
Но иного Бога несть.

НЕТ ДРУГОГО УЧЕНИЯ

Нет другого учения. Не ищите его.
А на чем вы поставлены, стойте.
То, что вам заповедано, не утратьте того,
И закинувши невод свой, пойте.

Не женись, неженимые. Разженитесь с женой,
Вы, женимые, – будьте с сестрою.
И глазами в глаза взглянув, глубина с глубиной.
Будьте телом – и телом – с душою.

Раз вы хмеля касаетесь, да лучист будет хмель,
Раз в словах, не склонись к суесловью.
Семикратно есть проклят тот, кто разрушил свирель,

Семибездно он проклят Любовью.

Не украдьте. Единую кто копейку возьмет,
Ту копейку положат на темя.
Будет жечь, будет жечь она, до прощенья прожжет,
Но, чтоб плавиться, нужно ей время.

Друг ко другу ходите вы, и водите хлеб-соль,
И любитесь любовью желанной.
И храните всю заповедь, и храните, доколь
Не приду к вам, Огнем осиянный.

ГРЕХ ОДИН

Есть грех один и грех мучительный,
Хотя и много есть грехов.
Один чрезмерно-унизительный,
И продолжающийся, длительный,
В себе таящий сон гробов.

То грех души с душою скованной,
То принуждение для губ,
Когда привычно-уготованный
Есть поцелуй не очарованный,
И тело с телом – труп и труп.

На этот грех, с безмерной ратию,
Иду, и вешний ветер струю.
Я предаю его проклятию,
Я предаю его треклятию,
Четвероклятью предаю.

ЧЕТВЕРОКЛЯТИЕ

Четвероклятие мое
Не только в отверженьи.
На сжатой ниве есть старье,
Я жгу его, свящу ее.
И, освящая бытие,
Так возвещаю в пеньи.

Заклятье первое – Огонь.
Сквозь снег ведет он к Маю.
Им стебель жив, и волк, и конь,
И человек. Идет – не тронь.
Придет – впусти, он свят. Огонь.

Иначе – сожигая.

Второе слово есть Земля.

В ней свежесть вешней силы.

В ней спит зерно, о дне моля,

Стволы растут для Корабля,

Люби ее, нам мать Земля.

Иначе – мрак могилы.

Заклятье третье – Вода.

В ней вечность возрожденья.

В ней отражается Звезда.

В ней дождь и слезы, нет и да,

Люби ее, сестра Вода.

Иначе – потопленье.

Четвертый голос – Ветра дух.

В нем вольный зов свирели.

Святую тайну мысли вслух,

В цветке лелей нежнейших пух.

Пойми, что в Ветре дышит Дух.

Иначе – свист метели.

ОБЩНИКИ СВЯТОСТИ

Общники некоей святости, кою в словах не замкнуть.

С вами сливаюсь я мыслию, вот раскрывается грудь.

Нет, не ключом отмыкается. Нет, не блестящим ножом.

Все же открылась, как горница. В горнице клад бережем.

Гнали нас. Это мне ведомо. Голову секли враги.

Сердце теснили и мучили. «Лги, заблуждайся, и лги».

Меч был не страшен искателям. Нужно вам жертвы? Так что ж,

Примем – отсюда отшествие. Только не примем мы – ложь.

Гнали нас. Даже скончавшихся вырыли низкой рукой.

В пламень кощунственно бросили призрачность, прах дорогой.

Пепел развеяли в воздухе. Благо! Священен огонь.

Ветер, ты, веющий вольностью, спас от чрезмерных погонь!

Дальше! В верховную сторону. Дальше! Опять и опять.

Между людей изумившихся звездная светит печать.

К брату от брата свечение. Брату от брата венец.

Светлая длинная лестница. Дети и звездный Отец.

ИСХОД

Из темного подполья,
Где пряталися мы,
Во время своеволя
Метелистой Зимы,
На праздник богомолья
Выходим мы теперь,
На вольное раздолье
Из тьмы раскрылась дверь.
И Диво-Голубица,
Что первая меж нас,
Заветная криница,
Негаснувший алмаз,
Сияет нам – Звездица,
Проходит череда,
И в каждом сердце – птица,
Во всех очах звезда.

К СЛАДИМ-РЕКЕ

Сладим-Река, ты слышишь?
Я правду говорю:
Дышу – когда ты дышишь,
Горишь – и я горю.

Лукавишься ты Змеем –
Змеино мы скользим,
Мерцаем и немеем,
Живем огнем твоим.

От века и до века,
И раньше веков всех,
Твое мы пили млеко,
Лелеяли твой смех.

Как молния любил я
До дней моих земных,
Как жаворонок был я,
Испивши вод твоих.

И был звездистым тигром,
Зеленой был змеей,
Чтоб вечно – к новым играм,
Чтоб вечно – быть с тобой.

И я свирельник ныне,
Сладим, – чтоб жить, любя,
С тобой журчать в пустыне,
Певцам пропеть – тебя.

ЖЕНИХ

Жених идет, Жених грядет,
Невесту отыскал,
Его дворец – небесный свод,
Его ковер – зеркальность вод,
А башня – глыбы скал.

Жених пришел, Невесту взял,
Приданое – Земля,
Его же знак есть цветик ал,
Замкнут в начале всех начал,
В движеньи Корабля.

Пришел Жених, пришел Жених,
Невеста хороша,
Века и дни делили их,
Теперь поем мы брачный стих,
Венчается – Душа.

ЗОЛОТОЙ ТКАЧ

У тебя венец златой,
У тебя в глазах – лазурь.
Над глубокою водой
Ты дышал рождением бурь.

У тебя венец златой,
Очи – светлый изумруд.
В сердце – пламень молодой,
В мыслях – горлицы поют.

Нашей Утренней Звездой,
Нашим Солнцем ты рожден.
У тебя венец златой,
А в очах – мудреный сон.

К нам Вечернею Звездой,
К нам Луною ты введен.
У тебя венец златой,
Вкруг тебя не молкнет звон.

Светлый лук возьми – и стой,
Сердце каждого – как лань.
Ты стрелою золотой,

Ты стрелой певучей – рань.

Будь нам Утренней Звездой,
Солнцем жги, и Солнцем встань.
Всем нам нужен ткач золотой,
Чтоб соткать золотую ткань.

У тебя венец золотой,
У тебя в очах – намек.
Над Землей и над Водой
Ты поставил свой станок.

ГУСЛЯР

Невеликая обида,
Если кто меня не хвалит,
У меня зато есть гусли,
И в душе поет смычок.
Эти гусли – от Давида,
И уж раз ладыя отчалит,
Сам не ведаю, вернусь ли,
Бог уводит мой челнок.

Звонки в сердце голубином
Зовы горлиц, их журчанье,
Стройно ангельское пенье,
Я уверовал в себя.
Дух владеет Божьим сыном,
В каждом цветике – вещанье.
А меня несет течение
Там, где весны ждут, любя.

Так и ждут и не проходят,
От Апреля и до Мая,
Чуть посмотрятся в Июне,
И опять глядят в Апрель.
И цветочно звоны бродят,
Перекличка голубая,
Словно в птице Гамаюне
Разыгралася свирель.

Разблажились и гуторят,
Словно море Морю вторят,
Разыгравшиеся гусли,
От цветка к цветочку вздох.
И не ссорятся, не вздорят,
Лишь в любви любовью спорят,
Я уплыл в напев, – вернусь ли,
Это ведает лишь Бог.

БЛЕДНЫЙ БРАТ

Бледный вымолвил брат:
Ты чему больно рад?
Я сказал: А тому,
Что теперь все пойму.

Бледный вымолвил мне:
Цвет лишь цвет по весне.
Я ответил: Весна
Мне навек суждена.

Бледный вымолвил брат:
А зима? А закат?
Понял я: Братик мой,
Ты закат мой с зимой.

Ты был я, отошел,
В Божий круг я вошел.
И на Божьем кругу
Все могу, все могу.

ХОРОВОД

По-над прудом – прудом сад, вешний сад.
Белым кругом схвачен взгляд, все скользят.

По-за лесом темный лес, шепчет лес.
Здесь воскресла песнь чудесна. Он воскрес.

Под Луной – Луною луг, свежий луг.
Все – со мною, все – за мной, в быстрый круг.

По-над прудом – прудом темь, там темно,
Да по водам хороводы тешат дно.

Так уж гибки эти рыбки, все плывут.
Здесь проблещут, там сияют, тут зовут.

По-над садом – садом Ночь, ширь Небес.
Мир зовет к святым забавам. Он воскрес.

БРАТЯ-СЕСТРЫ

Братья, Сестры, порадейте во зеленым саду,
Каждый с сердцем, в каждом сердце разожжем одну звезду.

В быстрой смене, мы – снежинки, пляшем, вихря не видать,
А снежинки, зримо взору, восхваляют благодать.

В ожерельи, мы – как пчелы, мы – как звезды, как цветы,
Мы, как птицы, научились этим снам – у высоты.

Братья, Сестры, вы умеете благодатью повладеть,
Если золото остынет, будет тягостная медь.

Братья, золото храните, и чтоб каждая сестра
Ни дыханьем не затмила жемчугов и серебра.

Вы коренья золотые не топчите по земле,
Вы серебряные ветки чуть качайте в нежной мгле.

И в воздушные листочки перебросьте вы огни,
Чтоб, горя, да не сгорая, не осыпались они.

И в глазах своих лелейте поцелуйные слова,
Чтобы вечным изумрудом расстилалась нам трава.

СВETИТЬСЬ, СВETИТЬСЬ

Светись, светись, Иерусалим,
Светись, светись, новый,
Мы обвенчали души с Ним,
Вошли в тайник Основы.

Ликуй и веселись, Сион,
Ликуй, ликуй, Сионе,
Мы верный поняли закон,
Мы в празднике и в звоне.

Светись, светись, моя сестра,
Светись, мой братик милый,
Мы были мертвыми вчера,
Мы вышли из могилы.

Да воспоем как сонмы лир,
Да возгремим как тучи,
Светись, светись, воскресший мир,
Воспой – кто стал певучий.

РАДУЙСЯ

Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река течет,
Радуйся – в Сладим-Реке, в Сладим-Реке есть мед,
Радуйся – к Сладим-Реке, к Сладим-Реке прильнем,
Радуйся – с Сладим-Рекой мы в Рай, мы в Рай войдем,
Радуйся – Сладим-Река поит и кормит всех,
Радуйся – Сладим-Река смывает всякий грех,
Радуйся – в Сладим-Реке вещанье для души,
Радуйся – к Сладим-Реке, к Сладим-Реке спеши,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река есть Рай,
Радуйся – в Сладим-Реке, Сладим-Реку вбирай,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река есть мед,
Радуйся – Сладим-Река, Сладим-Река зовет.

РАСКРЫТЫЕ УЛЬЯ

Все окна в нашем тереме огнем озарены,
Цветы на каждом дереве с лучом обручены.
Отметили все двери мы, поставив тайный знак,
Теперь, что будет в тереме – да будет это так.
Из кладезя глубокого вода принесена,
В той горнице, где горлицы, святая тишина,
Где голуби – как проруби, там чудится жерло,
И страшно так, и сладко так – что сказано, пришло.
Что сказано для разума, да будет наяву,
Дремотное – развязано, и дождь сечет траву.
Листы к листьям, уста к устам, и тело к телу льнет,
И луч из вод туман зовет, как тучу, в Небосвод.
А там готова молния, и льются, за огнем,
Из облак ведра полные в надземный водоем.
Журчит в высоком тереме вспененный водомет.
Ужели в самом деле мы не вкусим сладкий мед?
Раз в ульях есть обилие, мы их освободим.
Раскрой, душа, воскрылия! Теки, Река-Сладим!

ВЗБРАННЫЙ ВОЕВОДА

Взбранный Воевода наш сияет высоко,
Взбранный Воевода наш нисходит глубоко.
Светлым хороводом мы везде за ним спешим,
Светлым хороводом мы радение свершим.
Взбранный Воевода наш простор объемлет весь,
Взбранный Воевода наш в кругу сияет здесь.

Белым хороводом, мы как звезды за Луной,
Белым хороводом мы горим во тьме ночной.
Взбранный Воевода наш растит для нас цветы,
Взбранный Воевода наш возжаждал красоты.
Вольным хороводом мы все посолонь идем,
Вольным хороводом мы венок ему плетем.

САВАОФ

Саваоф, Саваоф,
От высоких облаков,
Для радетелей твоих,
Возлелей духовный стих,
Чтобы в круге, как на луге,
Увидали мы друг в друге
Много мысленных цветов,
Саваоф, Саваоф!

Бог громов, Саваоф,
Ты над вихрем наших снов,
Ускоря голубей,
Духом облачным повеи,
Чтоб в круженьи белом, белом,
Чтоб в хотеньи смелом, смелом,
Ты сошел к нам Саваоф,
Саваоф, Саваоф!

ПОГОНЯ

Чей это топот? – Чей это шопот? – Чей это светится глаз?
Кто это в круге – в бешеной вьюге – пляшет и путает нас?

Чьи это крылья – в дрожи бессилья – бьются и снова летят?
Чьи это хоры? – Чьи это взоры? – Чей это блещущий взгляд?

Чье это слово – вечно и ново – в сердце поет как гроза?
Чьи неотступно – может, преступно – смотрят и смотрят глаза?

Кто изменился – кто это свился – в полный змеиности жгут?
Чьи это кони – белые кони – в дикой погоне – бегут?

ВЕСЕЛЫЙ РОЙ

Вся в венцах семигранных, просияла Сион-Гора.
В торжествах необманных мы сошлись, мы сошлись. Пора.

Живогласные трубы нам поют и живом цветке.
И румяные губы говорят о Сладим-Реке.

Воссияли зарницы, и до молний громов дошли.
Восплескались птицы, и запели, поют вдали.

Уж вдали или близко, не узнать. Может, тут, в крови.
И высоко и низко перелет обоймет. Лови.

В вертограде веселом перелетом цветков цветет.
И, подобные пчелам, мы рождаем по капле мед.

В вертограде цветущем мы с толпою летим вдвоем.
И на вихре поющем мы несомы – и мир несем.

ЦАРЬ ДУХ

Царь Дух! Царь Дух! Царь Бог! Царь Бог!
Царь Дух! Царь Бог! Царь Дух!
Возьми, прими мой стон, мой вздох,
Войди как звон в мой слух!

Ой, Дух! Ой, Дух! Царь Бог! Царь Бог!
Твой зов нежней, чем пух!
В меня, как дождь, чтоб ум не сох!
Царь Бог! Царь Бог! Царь Дух!

ГУСЛИ

Гусли непрестанные,
Ласково желанные,
Тешат райских птиц.
Трубы живогласные,
Страстные и властные,
Манят тело ниц.

После одиночества,
Слушая пророчества
Братьев и сестер,
Мы кругообразными
Тешимся соблазнами,
И сверкает взор.

Мы как птицы носимся,
Друг ко другу просимся,
Друг ко другу льнем.
Пляшем, разомлелые,
И рубахи белые
Как метель кругом.

В вихре все ломается,
Вьется, обнимается,
Буйность без конца.
Посолонь кружение,
С Солнцем наше мление,
Солнечны сердца.

О, подобно саванам,
Светит эта слава нам,
Пляшет вертоград.
И как Месяц бледны мы,
И как он победны мы,
Слитные – горят.

ВЕРХОВНЫЙ ГОСТЬ

Пресветлый Гость. Верховный Гость,
Сойди, сойди, сойди!
Ты нас таи, мы все твои,
Гляди, гляди, гляди!
Ты нас храни, а мы огни
Зажжем, зажжем, зажжем!
В живую плоть войди, Господь,
Огнем, огнем, огнем!
На светлый луг, в наш быстрый круг
Сойди, сойди, сойди!
Ты люб нам, Гость, Верховный Гость,
Гляди, гляди, гляди!

ПЛЯСКА ДВУХ

– Я из града Ветрограда,
Называюсь «Вей».
– Я из града Цветограда,
Я «Огонь очей».
– Я по граду Ветрограду
Здесь, и нет, вон там.
– Я по граду Цветограду
Пить даю цветам.

– Я во граде Ветрограде
Взвился, темнота.
– Я во граде Цветограде
Жду, цветок – уста.
– Я во граде Ветрограде
Водоем взломлю.
– Я во граде Цветограде
Пропою «Люблю».
– Я из града Ветрограда
Брызну вихрем струй.
– Я из града Цветограда
Позову «Целуй».

ДА

Ах, Отец мой, Отец – да,
Ты зиждительный Творец – да,
Приведи меня в конец – да,
Что в конец всех сердец – да,
Где игра колоколец – да,
Где таинственный ларец – да,
Где венчальный свет колец – да,
Ты в злату трубишь трубу – да,
Пробуждаешь во гробу – да,
Вольным быть велишь рабу – да,
Возвещаешь всем судьбу – да,
Завлекаешь в ворожбу – да,
В золотую ворожбу – да,
Ах ты Батюшка святой – да,
Птица сокол золотой – да,
Над глубокою водой – да,
Пролетаешь молодой – да,
Сердце вдруг пронзишь мечтой – да,
Окрыляешь Красотой – да,
С птицей мчишься, с той, и с той – да.

РАДЕНИЕ

Дети Солнца, в час полночный,
Собрались в игре урочной.
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждем в душе живой воды.

Жернов крутится упорный,
Белый праздник ночью черной,
Быстро, посолонь стремленье,
Звезды, в жажде обновленья,
Прорезают так туман,
В круге, знаменье раденья,
Со святой водою чан.

Ног босых все глуше топот,
Уст сухих не слышен ропот,
За одной живой стеною
Две и три идут волною,
Близь рубахи – сарафан,
И напевной тишиною
Зачарован водный чан.

В глубине явился Кто-то,
В лике светлая дремота,
Пробуждается в купели,
Мы недаром здесь радели,
И пропели заговор,
В вихре слышен зов свирели,
В чане темном яркий взор.

Хоровод наш содрогнулся,
С неземным соприкоснулся,
Мы истомным взяты раем,
В пляске мы изнемогаем,
Мы бледней, чем полотно,
Дух сошел, мы знаем, знаем,
Это было суждено.

В ТАЙНОЙ ГОРНИЦЕ

В тайной горнице, где взяты души вольных в нежный плен,
Свечи длинные сияют ровным пламенем вдоль стен.

Взор ко взору устремлялся, сердце в сердце, разум в ум,
От певучих дум рождался, в пляске тел, размерный шум.

Вскрики, дикие как буря, как в пустыне крик орла,
Душу выявили в звуках, и опять душа светла.

В белом вихре взмахи чувства сладкий ведали предел,
И венчальные наряды были саванами тел.

В этой пляске исступленной каждый думал – про себя,
Но, другими окруженный, вился – сразу всех любя.

В этом множественном лике, повторив стократ изгиб,
Души плыли, как весною – стройный шабаш светлых рыб.

Так повторно, так узорно, с хороводом хоровод,
Извиваясь, любит слитно, и, безумствуя, плывет.

И, проплыв, осуществили весь молитвенный напев,
И в сердцах мужских блаженство, как блаженство в сердце дев.

И в телах мужских дрожанье, многострунность в теле жен,
Это было, жизнь светила, воплотился яркий сон.

И в телах сияют души, каждый дышит, светел взгляд,
В тайной горнице полночной свечи жаркие горят.

ТЫ СВЕТИ, СВЕТИ

Ты свети, свети, светел Месяц-свет,
Ты свети, свети, Солнце красное,
Ты цвети, свети, наш садовый цвет,
Ты мечи лучи, сердце страстное.

Ты звони все дни, колокольный звон,
Ты пророчь всю ночь, разум царственный,
Обведем вокруг четырех сторон
Наш веселый круг светодарственный.

Волны белых снов закрутим в метель,
И в глазах гроза будет рдяная,
Ты играй нам Рай, ты воркуй, свирель,
От вина с Небес будь как пьяная.

ЧТО ЕСТЬ СВЕТЛЕЕ?

Что есть светлее пенья,
Светлей чудотворенья,
Светлее, чем алмаз,
И чем Пасхальный час?
Что есть светлей моленья,
И солнечного зренья,
Светлей, чем мед и кровь?
Любовь, любовь.

В любви есть звоны пенья,
И свет чудотворенья,
И жемчуг, и алмаз,

И в часе новый час.
В любви есть свет моленья,
И солнечное зренье,
Луна, и мед, и кровь.
Люби – любовь.

БОЖЬИ ПЛОТНИКИ

Мы плотнички,
Мы работнички,
Все работаем мы тут,
Над Судьбою судим суд,
Мы ведь Божии,
Не прохожи.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Мы не ходим в мире зря,
За работу – чуть заря,
До вечерних рос
Тешем белый тес.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Нам топор проворный люб,
Мы здесь строим белый сруб,
Топором стучим,
Да в свой дух глядим.

Мы глядим на Лес,
В Море день воскрес,
Послужили нам леса,
Вот натянем паруса
На корабль мы свой,
На корабль живой.

Коли плыть, так плыть,
Новый мир открыть,
Мы постукиваем тут,
Стружки словно цвет цветут,
Мы плотнички,
Мы работнички.

СУДИТЬ СУДЬБУ

Судьба тебя судит, –

Ты сам ее суди.
Судьба тебя нудить, –
Ты гляди, что впереди.

Судьба тебя толкает, –
Упреди ее толчок.
Судьба набегает, –
А ты в бок прыжок.

Судьба гонять нас любит, –
На полет легка.
Судьба совсем погубит, –
Коль придет исподтишка.

А ежели увидит,
Что ум ее ждет, –
Судьба нас не обидит,
Возьмет в свой полет.

ТВОРЦАМ СИХ САДОВ

О, страдатели, насаждатели, о, садовники сих садов,
С разнородными вам породами бой готовится, бой готов.

Чуть посеете семя светлое, семя темное тут как тут,
Чуть посадите стебель крепкий вы, травы цепкие здесь растут.

Чуть посадите цвет небесный вы, голубой цветок, и как снег,
Чуть посадите нежно-алый цвет, слышен тихий шаг, слышен бег.

Над цветком – часы и толпы минут, вот подкралися, вот бегут,
Стерегите их, а не то они всех не бережных стерегут.

И когда впадут во внимание, в них воздушный звон, нежный цвет,
И когда впадут в невнимание, это – вороны, свита бед.

Созидатели, насаждатели, вы, садовники сих садов,
Цепки травы – прочь, и глядите в Ночь, тьмы минут – дадут вам цветов.

КАК ТРАВА

Человек на Земле
Как трава растет.
Зачинаясь во мгле,
Утра ясного ждет.
За селом возрастет,

И цветком расцветет,
А в селе –
Воск и мед.

Почему же светла
Божья служба в ночи?
Потому что жила
Здесь трава, и пила
Божий дождь и лучи.

Почему же была
Свадьба душ весела,
Обошел мед кругом?
Потому что пчела
Над травой была,
В брак вошла
Со цветком.

КОРАБЛЬ

Чтоб Корабль построить наш,
Из золотых мы пили чаш,
Все испили мы, до дна,
От столетнего вина.

И пошли во старый бор,
Острый выбрали топор,
Твердый выбрали мы дуб,
Чтоб построить верный сруб.

Снасти вили мы рукой,
И не то что час-другой,
И не то что целый год,
Сколько только Бог сочтет.

И для паруса – в закон
Был введен небесный лен,
И зазыбилась, чиста,
Вздутость белого холста.

Вздулся ветер и подул,
И пошел по Морю гул,
Вздулся парус, задрожал,
Терем в Море побежал.

И чтоб шел корабль легко,
Был посажен глубоко,
Чтоб легко он в Море шел,
Груз богатый был тяжел.

Опрокинуться нельзя,
В Море – верная стезя.
Чтоб корабль построить наш,
Из золотых мы пили чаш.

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

По синему Морю Корабль наш плывет,
От края до края – сияние вод.

Корабль – драгоценный, товары на нем –
Услада для взора, играют огнем.

И хочется многим товары купить,
Но Рок им велел прихотливыми быть.

Коль скуп ты, давай немудреную медь,
Но, раз дешевишься, не будут гореть.

Коль беден, давай нам последнюю медь,
И будут рубином играть и алеть.

А если обманом иль силой возьмешь,
Ты вместо сокровищ – чудовищ найдешь.

Так едем мы Морем, причалим, и ждем,
Товары волшебным сияют огнем.

И многие думают – мы колдуны,
И многие думают – просто лгуны.

Ни тем, ни другим не сказав ничего,
Мы дива даем с Корабля своего.

Одних осчастливим, других же смутим,
И снова мы в Море, и снова мы с ним.

В безбрежном и нежном кораллы найдем,
И много рубинов с кровавым огнем.

ВЕЩАНЬЕ

Мы плыли по светлой вечерней воде,
Все были свои, и чужого нигде,
А волны дробились в своей черед

Живые они, голубые.

Играли мы веслами, чуть шевеля,
Далеко, далеко осталась земля,
Бел Сокол – название того Корабля.

Родные на нем, все родные.

Сидел у руля златоокий Пророк,
И был он как будто совсем одинок,
И страшный внезапно пропел он намек.

Морские в нем страсти, морские.

Год скрепился, день сосчитан, миг бежит и не вернется,
Час назначен, в диком плаче словно пыль взметнутся все,
Кто тебе казался Богом, волколаком обернется,
Сорок громов, водоемов, сорок молний в их красе.

Бойтесь, бойтесь! Безвозвратно! Ничего уж не исправишь!
Все убитые – восстали. Все задавленные – тут.
Горше всех лукавств убогих – что теперь еще лукавишь,
А глаза твои – как щели, сам себе назначил суд.

Сядешь – пламень, ляжешь – камень, в пропасть кинешься – замкнется,
В ночь склублишься – сорок молний миру выявят уклон,
Вся Вселенная смутится, и в седой клубок свернется.
Слышишь громы? Сорок громов! Падай, падай, осужден!

Был бледен и страшен Пророк у руля,
И все мы дрожали, вещаньям внемля,
И волны качали оплот Корабля.

Живые они, голубые.

Мы поняли, что он хотел нам сказать,
О бездне скорбел он, скользя через гладь,
Мы в Свете, но Бездна должна отстрадать.

Родные грехи нам, родные.

Мы плыли по тихой и светлой воде,
Все было свое, и чужого нигде,
Молитву мы пели Вечерней Звезде.

Мария! Мария! Мария!

КОРАБЕЛЬЩИКИ

Будьте тверды в буре дикой, корабельщики мои,
Он придет, кто нам обещан в быстротечном бытии.
Он поставит мачты крепки, паруса несокрушимы,
Он направит руль глядящий, он пронзит пожаром дымы.
Вспыхнет с нами он огнями, как комета в бурной мгле,
Он уж с нами, между нами, на плывущем корабле.
Бросит якорь в добром месте, как дойдем к заветным далям.
Корабельщики, он с нами. Мы причалим. Мы причалим.

ПЛАВАНИЕ

Как по синему по Морю все мы плыли без печали,
Легки ветры нам шумели, тихи ветры восставали.
Говорили нам, шептали, что богатый берег вдали,
И по синему потоку нас к Востоку понесли.

В синем Море с каждым часом ярки птицы вам мелькали,
И невиданные рыбы островами возникали.
Мы проплыли три недели, счетом ровно двадцать дней,
Мы не пили и не ели, в изумленности своей.

Души были в нас певучи от крылатостей летящих,
В ароматах были тучи, как в цветущих вешних чашах,
И от радости иные низвергались к грудам рыб,
Но никто меж них, плавучих, из певучих не погиб.

Так мы плыли в синем Море, и проплыли три недели,
Мы от рыб засеребрились, вместе с птицами мы пели,
И когда приплыл Корабль наш на сияющий Восток,
Каждый был певуч, и светел, и угадчив, и высок.

ДУХ СВЯТОЙ

Дух Святой по синю Морю над водою ходит,
Невод шелковый по Морю Дух Святой заводит.

Белу рыбицу он ловит для садков садовых,
Золотых Он манит рыбок, сам в золотых покровах.

Ходит утром, ходит ночью, ходит на рассвете,
Вы доверьтесь полномочью, Духу верьте, дети.

В тонкой сети миг побывши, выйдите из Моря,
В сад предивный вы войдете, светом свету вторя.

В голубых прудах садовых, в хрусталях-озерах,
Поплывете, пробуждая по осоке шорох.

В хороводы ваши глянут яблони в расцвете,
Вы не бойтесь, не оковны шелковые сети.

Дух Святой во грозном Море дал побыть вам вволю,
Раз берет вас, золотую вновь Он даст вам долю.

ТРУБАЧИ

По горам, по горам,
Трубачи,
Чу! поют и кличут вам.
Солнце встало, шлет лучи.
По лугам и по лесам,
По широким небесам.
Словно рдяные мечи,
Словно вытянулись в бой,
По стремнине голубой,
Исполинские мечи.
Над отшедшей тьмой слепой.
С золотой своей трубой
Встали, кличут, трубачи,
Обещают гулко нам
Золотые дать ключи
К тем жемчужным воротам,
За которыми прильнем,
Над рубиновым путем,
Мы к невянущим цветам.
Так вещают трубачи,
По горам, по горам.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Лес забыт. Лишь сад пред нами.
Он с высокими стенами.
Год придет, и год уйдет,
За железными воротами
Здесь мы тешимся цветами,
Мы мудреными замками
Возбранили чуждым вход,
Братья наши – вечно с нами,
Сестры наши – здесь, пред нами,
Пенны чаши за пирами,
Но чего-то сердце ждет.

Он за дальними Морями,
Он, Единственный, не с нами,
Он над бездной вечных вод.
Мы здесь нежимся струнами,
Мы здесь ходим под стенами,
Он над вечными волнами,
Он над пропастью идет.
Спорит с ветром и с громами,
Вихрь уводит в вышний свод,
Гром пред ним над кораблями
С свитой молний не падет.
Мраку светит он глазами,
Ум овеет голосами
И взовьет в живой полет.
Тот, кто стонет, здесь он, в храме.
Буря спит за облаками.
Но чего-то сердце ждет.
Он, Единственный, не с нами,
Он ушел за жемчугами,
Ходит Морем, островами,
Опускает в бездну лот,
Шлет поклон нам с журавлями,
Ищет днями и ночами,
Он найдет,
Он придет.

ТОСКА ДАЛЕКИХ

Я был далеко от своих,
И сильно они тосковали,
И слезы, горячие их,
Мне ноги мои обжигали.

Те слезы, что пали из глаз,
Земля приняла в подземелья.
И вот, через время и час,
Возникли их тайные зелья.

Один, проходя под Луной,
Я слышал – Земля говорила,
Со мной, вокруг меня, подо мной
Дышала горячая сила.

Как будто по каплям смолы
Ступал я – и шел изумленный.
И травы качались из мглы.
Все стебли – с росой посребренной.

И чуть я ко стеблю прильну,

Я ведаю, чьи это очи
Восприняли слез пелену,
И путь между нами короче.

И чуть я ступлю по Земле,
Кого-то люблю я сильнее.
Цветы расцветают во мгле,
Цветы раскрываются рдея.

И каждый душистый цветок,
Луной предо мной осиянный,
Мне с именем шепчет намек,
И дышит, и дышит желанный.

ПРОРОК

Наш Пророк неложно свят,
Райски трубы нам трубят.
Прежде чем явить свой лик,
К Райским водам он приник.
Прежде чем нас в сад он ввел,
Всю Вселенную прошел.
Прежде чем нам дал цветов,
Вник он в книгу Родослов.
Прежде чем сошел к нам с круч,
Слышал голос вышних туч.
Был Илья он, был Энох.
С ним беседовал сам Бог.
Был пресветлый Иисус,
Больше молвить не решусь.
Все ли надо возвещать?
На отрадах есть печать.
Все ли нужно возвещать?
Есть жемчужная печать.
Только молвлю, наш Пророк,
Как колодезь, он глубок.
На Седьмом он Небе был,
Там испил Небесных сил.
Грозной тучей возгремел,
К нам сошел как голубь бел.
Он при свете ярых свеч
Зерна дал, держал к нам речь.
Он под звон земных кадил
Суший хлеб для нас взрастил.
Дал нам мед, и ввел нас в сад,
В изумрудный Вертоград.
В сад довел нас из пустынь.
Всем цветам поклон. Аминь.

ЛОВЦЫ

Сотворил Господь пресветлый Ангелов Себе,
Дал им мощь, да будут звезды в сказанной борьбе.

Он низвел с Небес высоких светоч золотой,
Повелел, чтобы вселился в тело дух Святой.

Выбирал для рыб глубинных – мудрых Он ловцов,
Между рыбарей безбедных – бледных берегов.

Между бедных, но победных – и безбедных тем,
Ибо кто собой владеет, тот владеет всем.

И недаром частый невод шел во все концы,
Тех, кто любит, уловляли вещице ловцы.

Уловивши рыб глубинных, не сгубили их,
Но спасли от паутинных ков и козней злых.

И с улыбкой каждый рыбарь веял над водой,
С высоты Небес ниспавшей, вербой золотой.

ВОТ

Вот они, живые,
Мирные отрады.
Свечи восковые,
Алые лампы.

Тихие иконы,
Тихий звон кадила,
Верность обороны.
Было ль то, что было?

Мы ли это, мы ли.
В ужасах незнаний,
Призраками были,
Криками терзаний?

Те же ли мы сами,
Что без дум о Боге,
Шли в ночах лесами,
По глухой дороге?

Те же ли мы сами,

Что ножом играли,
А теперь – во храме,
А теперь – в хорале?

Тихие моления,
Тихий звон кадила,
Радость всепрощенья.
Было ль то, что было?

СЛАВА

Слава святой,
Золотой,
И серебряной,
Медно-железной,
Скрепе, блюдущей над зыбкою бездной,
Твердой – над шаткой водой, –
Твердо-алмазной,
Единосушной – над разной,
Многообразною смутой, –
Вечной – над быстрой минутой, –
Зрящей,
Тысячеокой –
Над ночью глубокой,
Спящей, –
Животворящей,
И нераздельной,
Цельной как лик корабельный,
Который вовеки веков,
Ныне и присно, всегда,
Над пропастью темных валов,
В пустыне, где ропщет вода,
В кипящей реке беспредельной,
Плывет, а над ним – Звезда.
Слава – нас крепко хранящей,
Троице животворящей,
Быстро как птица, нас мчащей
В жемчужность садов из пустынь,
Во веки веков. Аминь.

КРАСНОЕ КРЫЛЬЦО

Поставь меня, Отец, на красное крыльцо.
Сияньем озари поднятое лицо,
Отец, я сохранил, мне данное, кольцо.

Поставь меня, Отец, на красный свой крылец,
Отец, благослови смарагдовый венец,
Я сам его надел, – мне можно так, Отец?

Я больше не уйду от красного крыльца,
Тебе начала нет, и нет тебе конца,
Отец, твой сын пришел, твой сын нашел Отца.

ИРМОС

Прошли мы сквозь Черное море,
Над Красным взошли на утес.
И с синим сияньем во взоре
Поем благодарный ирмос.

В расплавленных безднах червонца,
Что наших врагов потопил,
Возникло багряное Солнце
Над влагой несчетных могил.

Узором лесным осененный,
Алеет великий утес,
Цветы над пучиной бездонной
Господь благосклонно вознес.

Мольбой, ликованием звона
Восхвалим всеильную Длань,
Затем что наш дух, как Иона,
Не отдан чудовищам в дань.

Затем что мы все не сгорели,
Хоть были в палящей печи,
Затем что играют свирели,
И красные рдеют лучи.

ТРИ ОКНА

В Великом Доме три окна,
Трисветна каждая стена,
Но та хоромина – одна.

Коль ты восхочешь слов живых,
В себе, в сестре, и в Мире – их
Найди, и пой жемчужный стих.

Одно окно есть вышина,

Окно другое – глубина,
А третье – жизнь, а жизнь – Весна.

ЧЕТЫРЕ СТЕНЫ

Четыре стены, и на каждой стене
Здесь по три округлости видится мне,
По три окна в вышине.

На Север, Закат, на Восток, и на Юг,
Все тот же, очерченный правильно, круг,
Троичность выгнутых дуг.

Вот белые лдяности, дремлющий снег,
Утихнувших вод прекратившийся бег,
Радость бестрепетных нег.

Вот маки кровавые, трижды жерло,
Желанье к желанью, узывно-светло,
Страстно так, красно, тепло.

Вот нежность, три круглых жемчужных щита.
В мерцаниях дружных вражда, красота,
Жаждут и страждут уста.

Вот три изумруда, сияющий луг,
Три луга и белые птицы вокруг,
Юг восклицают, на Юг.

ПЯТЬ СВЕЧ

Дикий и трикий,
Пять свеч – до смерти с нами.
Пока мы бродим в мире,
Наш путь – с пятью свечами.

Конец, начало, Вечность,
О, троичность святая,
Начальная есть млечность,
И млечность – снежность Рая.

С одра встает калека,
Ведет его дорога
От Богочеловека
До Человекобога.

Рипиды, опахала
Из перья павлина,
Хранят его начало,
Отец наш добр для Сына.

И таинство пречистых
Несчетных Евхаристий
От радуг тех перистых
Стократно золотистой.

Когда же Серафимы
Провеют над дарами,
В молитвенные дымы
Восходим мы свечами.

И служит слух и зренье,
Конец и Вечность с нами,
В скончаньи – возрожденье,
Все звезды за свечами.

ЖЕРТВЕННИК

Жертвенник. Чаша на нем и звезда.
Свет, острие копья.
Духом я вижу пресветлые лица, –
Край, и бескрайность моя.

В этом златом и узорном потире
Кровь превратилась в вино.
Свет копья не напрасен был в мире,
Таинство дней свершено.

Был Вифлеем. Золотая страница.
Кончилась – там, на Кресте.
В мире же светит и светит звезда,
Манит, дрожит в высоте.

Вот, копне просфору пронизало,
Жертвенник ждет в алтаре.
К Солнцу – что было здесь бело и ало,
В вечной восходит заре.

ХЛЕБЫ, ПШЕНИЦА, ВИНО, И ЕЛЕЙ

Хлебы, пшеница, вино, и елей,
Вот они, тут.

Силы живые Небесных зыбей
Голубя свеют, – толпы голубей
К дару земному
Лелейно прильнут,
Внемля, в безгласности, тайному грому,
Молениям радуясь, и дождевому
Току, дающему нам изумруд,
Зная и слыша, что Дальний – вот тут.

ЛИТУРИЯ В ЛИТУРГИИ

Светильники, кадилаицы, моления, и звон.
Цветы, и птичье пение, трава, и небосклон.

Деревья с ароматами их тайностей, их снов,
Все чувства с их возвратами в разымчивость пиров.

При ярком свете солнечном – светильник восковой,
При сладком духе яблони – кадилаиц дух живой.

При светлом дыме яблочном – кадилаиц синий дым,
Глядят на нас Небесные – и мы на них глядим.

Поют в ветвях крылатые – и тут толпы поют,
Уютно там – в вершинностях, в долинах здесь – уют.

И свадьба ли свершается, молебен ли мечты,
Хвалебен глас молитвенный, хвалебны все цветы.

ПЕРВЫЙ СПАС

Яблоки, орехи, мед,
Это – первый Спас.
Сколько сладости течет,
Сколько свежих нежных вод,
Сколько ядер лес дает, –
Все для нас.

Яблонь белая, в цвету,
Усладила пчел.
Сколько пеней налету,
Сколько блесков, не сочту,
Мир весною в Красоту
Весь вошел.

Если ж Осень подошла,

Кончен путь Весны,
Радость первая светла.
Лето – жарче. Страсть пришла.
Виден весь узор узла.
Дышат сны.

Зреет все. Осенний час.
Яблок – плод живой.
Прежде всех пленил он нас,
Ядра с ним – в числе прикрас,
Мед. Как сладок первый Спас,
И второй.

ВО САДУ

Во саду – саду зеленом
Истари – богато.
Там ключи журчат со звоном,
Встанет все, что смято.
Яблонь белая дышала,
Сердцу было больно.
В сердце было: «Мало! Мало!»
Бог сказал: «Довольно».

Во саду – саду зеленом
Сердце мы сдержали.
Проходили мы по склонам,
И несли скрижали.
Сладки яблочки собирали,
Рдянилось чудо.
Красны яблочки мы клали
На золотое блюдо.

Во саду – саду зеленом
Блеск мы громоздили.
Пред сияющим амвоном
Цвет был в новой силе.
Наше Солнце было ало,
К Богу пело вольно:
«Вот возьми! Прости, что мало!»
Бог шепнул: «Довольно».

В ТЕРЕМЕ ВЫСОКОМ

– Что там в тереме высоком непонятно говорят?
– Потаенно говорят там, волю Божию творят.

- Что там в тереме высоком, белы звезды иль цветы?
- Если любишь белы звезды, так входи туда и ты.
- А коль я люблю не звезды, а цветочек голубой?
- Все есть в тереме высоком, там и сон вчерашний твой.
- Что же в тереме высоком, что я буду говорить?
- Все узнаешь, знай лишь сердце волю Божию творит.

ОТ НЕБА К НЕБУ

В сонмах Восточных
Дальних Небес,
В мигах урочных,
В звеньях чудес,
Был я, ходил я,
Меда вкусил я,
Света испил я,
Снова исчез.

Но не на Землю
Вновь я ушел,
Высшему внемлю,
Был мне глагол.
Есть бестелесны,
Выси чудесны,
Круги Небесны,
В них я вошел.

Там, без скончанья,
Светы для всех,
Нет там венчанья,
Лишний там смех.
Смех – наше зелье,
В нем есть похмелье,
Там же веселье
Вечных утех.

В тихой и связной
Сказке побыв,
Вняв, что алмазный
Путь есть красив,
Стал я звездой,
Пал над водою,
Мысль с молодой
Кровию слив.

В темные ночи,
В тайность вступил,
Вызвездил очи
Веяньем сил.

Вновь на Земле я,
Радуюсь, млея,
На Корабле я
Буду, как был.

ЗАКЛЯТИЕ

Ни отцу, ни матери, ни племени, ни роду
Тайное души своей ты не предавай.
Кто не сопричислился духом к Хороводу,
Пусть в своем скитается. Вольных не замай.

Разному нет слития. Да будет. Обещаюсь.
Если же поведаю, что внутренно, во вне,
Всей Землей отринутый, нигде да не вмещаюсь,
Солнцем опрокинутый, да таю на огне.

В ЧЕРТОГЕ

Долго, днями и ночами,
По таинственной дороге,
Многосложными путями
Я в святом блуждал Чертоге.
В зиму, днями и ночами,
Проходя законы строги,
Я с духовными свечами
Был во внутреннем Чертоге.
В лето, днями и ночами,
Возлюбив расцветы многи,
Я закрытыми очами
Все богатства зрел в Чертоге.

И теперь я не в гаданьи
Зрю, но в самом откровеньи,
Я в негаснущем сияньи,
В бесконечном восхожденьи.
И теперь я не в гаданьи
О мирском предназначеньи,
Я в великом ожиданьи,
В вечно-новом восхожденьи.
И гадая – не в гаданьи –
Я угадываю в пеньи,
Во вселенском я сияньи,
Во всемирном восхожденьи.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТЕРЕМ

Теперь, как постиг я тончайшую мудрость всего,
Хочу я пожить на Земле осторожно,
Чтоб мог я во всем озвездить Вещество,
От зла уклоняясь как только возможно,
И свыше сего,
Лишь то против воли своей принимая,
Что воля означает: «Сие – непреложно».
И волю дыханьем духовного Мая
Настолько цветя,
Настолько ее существо умножая,
Чтоб даже сама,
Для нас непреложная, Ведьма-Зима.
Блестя,
Царицей-Зимою соделалась нам,
Просветленной,
В метели – свирели, и зов по струнам,
Серебряный терем заснувшим цветам,
С густой бахромой оснеженной,
И будто бы смерть на минутку – а там,
За часом, над часом, высокий, бездонный,
Идущий в начальность, звездящийся Храм.

СТИХ ВЕЧЕРНИЙ

На заре, заре вечерней,
Полнопевней, равномерней,
Золота труба трубила,
Говорила для своих,
И дрожала в сердце сила.
Многострунный реял стих.

В Небе хлопья светлых дымов,
Словно крылья Херувимов,
Расцвечались озаренно,
Обнимали небосклон,
И качался повторенно
В тихих ветрах долгий звон.

После утра золотого
Пламень дня расплавлен снова,
И в небесном вышнем храме
Засветились зеркала,
В золотой широкой раме
Тишь вечерняя светла.

ИКОНОСТАС

На моем иконостасе – Солнце, Звезды, и Луна,
Колос, цвет в расцветном часе, и красивая Жена,
Облеченная в светила, в сочетаньи их таком,
Как когда-то в мире было в ночь пред первым нашим днем.

А еще в плодах дерева красят мой иконостас.
Ширь пустынь, ключи, кочевья, звездосветность ждущих глаз,
Несмолкающая птица, блеск негаснущих огней,
И пресветлая Девица, луч последних ваших дней.

ПРОТИВОГЛАСНИКИ

Эти звоны, антифоны, в царствии Твоем,
То на правом, то на левом клиросе поем.

Клирос – крылос, по-простому назовем его,
Тут – обилье, это – крылья духа Твоего.

Два их, два их, влево, вправо, царственный полет,
В вас – Твоя святая слава, голос Твой поет.

Ранним утром дух восходит в высь по степеням,
Вправо, влево, ходит, бродит, водит путь по дням.

То налево, полный гнева, рдяный от страстей,
То направо, нелукаво ищет чти Твоей.

Всходы лестниц, в той дороге, разные всегда,
То обрывны, то отлоги, восходит череда.

Все же восходит, путь находит череда молитв,
В двоегласьи, в двоечасьи битв, смертей, ловитв.

И от юности нас борют страсти, тьма – их счет,
Но во всех – Твоя есть воля, голос Твой поет.

Мы – уклоны, мы – амвоны, все, что хочешь Ты,
В безднах бродим, но восходим – к безднам Высоты.

СВЕТЕ ТИХИЙ

Свете тихий пречистые славы негасимых сияний Отца,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, Свете тихий, сияй без конца.
Мы пришли до закатного Солнца, свет вечерний увидели мы,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, над великим разлитием тьмы,
Свет вечерний увидев, поем мы – Мать и Сына и Духа Отца,
Свете тихий, ты жизнь даровал нам, Свете тихий, сияй без конца.
Ты во все времена есть достоин в преподобных хвалениях быть,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, научи нас в сияньях любить.
Свете тихий, весь мир тебя славит, ты, сияя, нисходишь в псалмы,
Ты спокойная радуга мира, над великим разлитием тьмы.
Свете тихий, закатное Солнце, свет вечерний дневного Отца,
Свете тихий, сияй нам чрез ночи, Свете тихий, сияй без конца.

ПАНАГИЯ

О, Мария, ты – Стихия.
Ты – волна с венцом из пены!
Ты – сиянья золотые,
Что в Эдеме красят стены!
Согревая, ты – живая,
Как простор Небес окружный!
Ты – молитва голубая,
Лик с оправою жемчужной!
Ночью темной, водоемной,
Изливающей планеты,
Ты есть пламень незаемный,
Нам взаймы дающий светы!
Ночью темной, водоемной,
Изливающей созвездья,
Ты – часовни мир укромный,
Путь прощенья в тьме возмездья!
О, Мария, в зимы злые
Радость Мая голубая!
Сердцу мира – сны златые,
Панагия, Всесвятая!

К ДЕВЕ МАРИИ

Дева Мария,
Море-Стихия,
Чистая совесть-душа.
Будешь ли с нами?
Будь с голубями,
Ты как рассвет хороша.

С огненной хотью,

С Марфою-плотью
Много нам было хлопот.
Дева Мария,
В областях Змия,
Светишь ты в пропасти вод.

Марфу не кинем,
Мы не остынем,
Рдяность мы любим всегда.
Дева Марии
То не впервые,
Знает, горит как Звезда.

Светит с зарею,
С жаркой сестрою
Век нераздельна она.
Дня ожидает,
Видит, и тает,
Будет – как будет нужна.

Днем истомимся,
Днем запылимся,
Вечер нас будет пугать.
Тут-то нас встретит,
Тут нас приветит
Нежная юная Мать.

Будет лелеять,
Будет нам веять
Сном над глубокой водой.
Пристанью станет,
Жемчугом глянет,
Яркой Вечерней Звездой.

Матерь и Дева,
В вихре напева
Мы погружаемся в Ночь.
Дева Мария,
Море-Стихия,
Тихого, Вечного Дочь.

МАРФА И МАРИЯ

– Мария, Мария,
Ты нравишься больше Ему.
Очи твои – голубые,
А мои – затаили тьму.
Волны волос у тебя золотые,
А пряди мои словно черные змеи сошли

До самой земли,
Как черные змеи,
Не подниму.
Мария, Мария, белее ты водной лилеи,
Ты как серп новолунный светла,
У меня в волосах, в их раскидистом мраке,
Лишь сонные,
Словно углем всегда озаренные,
Красные маки,
И я смугла.
Мария, Мария, идти ли мне ныне в пустыни,
Взгляни в мое сердце, увидишь, как я терплю.
Сестра, ты прозрачна, ты ближе к небесной святыне,
Но ведь я же Его люблю.
– О, Марфа, сестра моя, черный алмаз драгоценный,
Не плачь и не жалуйся, пышный факел ночной,
Ты пылающий пламень над зыбью морей переменной,
Ты костер в непроглядной ночи,
Ты бросаешь в тревогу ночную лучи,
В тот таинственный час, как над влагою пенной
Солнце уснуло с Луной.
Ты смотришь сейчас,
Как будто не веря,
Хоть верить желая.
Сияй всею силою, черный алмаз,
Не будь тебя в мире, была бы чрезмерна потеря.
Сестра молодая,
Ты любишь, ты знаешь, люблю ли, и любит Он нас,
Но обе мы светим, о верь мне, не зная,
Кто больше желанен Ему.
Сестра дорогая, к чему
Нам знать это? Лишь бы, Пресветлый, любил Он,
И нами, и нами обрадован был Он,
И может быть, любит Он нас – наравне.
Сестра, ты дрожишь, ты прижалась ко мне.
Ты сияешь в мои голубые глаза.
Что коврами узорными, –
Как гроза, –
Ты своими иссиня-черными
Всю покрыла меня волосами.
Сестра, ты дрожишь, как лоза,
Прерывисто дышишь.
Ты слышишь?
Он с нами!

В ПОЛЯХ ГОЛУБЫХ

Ходила Дева по чистому полю.

Не в зеленых полях, в голубых.
Гуляла в полях, нагулялася вволю.
И запела певучий стих.
И запела, и были глубоки намеки,
Что сложились в те звездные строки.
А навстречу идет к ней Христов пророк,
Привлечен осиянностью строк.
«Что ходишь ты, Дева, по чистому полю?
О чем ты поешь свой стих?»
« – Я Сына ишу, и заветную долю.
Где Сын?» – «Здесь, в полях голубых.
Ты дальше иди, о, поющая Дева,
Три древа увидишь, три древа.
И древо одно – кипарисовое,
Другое же древо – анисовое,
А третье еще – барбарисовое.
Из трех этих древ есть построенный храм,
Три птицы поют песни райские там,
"Аллилуйя!" поют, "Аллилуйя!" поют.
Сын сидит в высоте. Травы нежно цветут.
Голубые они,
Словно Море кругом.
Сын сидит на престоле своем золотом,
Золотые и синие всюду огни.
Ночи в черных одеждах к престолу идут.
И подходят румяные дни.
И цветы, наклоняясь, цветут.
Словно синее Море кругом.
Он нас ждет осиянный». – «Идем!»

ДЕВА

Дева днесь высочайшего, –
Из колодца воды зачерпнув, из колодца миров глубочайшего, –
Нам рождает, – Его,
В бездне бездн – одного,
Нам нельзя без кого,
Возлюбившего нас и сладчайшего.
«Дева, Дева», поет вышина,
Не Жена,
«Дева, Дева», ответствуя, кличет вертеп,
И вскрывается лед, содрогается склеп,
«Дева, Дева», Весна над пустыней снегов,
Знаменья шествуют,
Ангелы песню поют меж скудных благих пастухов,
Волхвы со Звездой путешествуют,
Несут умощенья в ларцах,
Из них благовонный вздох,
Сияет Звезда в Небесах,

Ничего нам больше не надо,
Родися нам дитяtko младо,
Родися превечный Бог.

БОЖИЙ ДРУЖОК

– Богу милое дитя,
Что живет, звездой блестя.
Богу миленький дружок,
Он куда всегда бежит?
За моря, или в лесок?
– Нет, во яслях он лежит.
И хоть мир прошел он весь,
Он смеется с нами здесь.
– Но куда ж сейчас ушел?
И куда же он забрел?
– Он в вертепы заходил,
Там рождался звон кадил.
Глянет в нищенский он дом,
Дом горит златым огнем.
Он к разбойникам пойдет,
Ангел в сердце злом поет.
И хоть мир прошел он весь,
Вот он в сердце, вот он здесь.

КРЕЩЕНИЕ

Мы крестились Христом.
Мы крестились крестом,
Обвитым звездами, цветами.
Мы крестились Водой,
Навсегда молодой,
Мы крестились Огнем.
Часом ночи и днем.
Мы за Солнцем идем,
И звездами.
Мы в Христа облеклись,
Мы как свечи зажглись,
В Пасхальном сияющем храме.
Мы возникли как звон
В аллилуйе времен,
Серафимы – в одном,
Херувимы – в другом,
Мы с Христом, он во всем,
Со звездами.

ПРОСТИ

Прости меня, Небо с Землею, и Солнце, и Месяц и Звезды,
Простите вы, горы, и доли, озера, леса, и поля,
Воздушные птицы, простите, коль ваши увидел я гнезды,
Простите, травинки, бродил я, былинки ногой шевеля.
Простите вы, звери лесные, что вас я тревожил по чаще,
Простите вы, рыбы, что вас я, рекой проплывая, путал,
Мы были когда-то все вместе, а в этот наш миг настоящий
Разъяты мы рознью, как страны – подъятьем запутанных скал.
Простите меня, цветокрылки, которых зовут мотыльками,
Я вас от цветов отгоняю – неволью, когда прохожу,
Я брат вам, не будьте врагами, мы вызваны теми ж лучами
На ту же – мне зримо – на ту же, великую в Мире, между.

ИЗ ЛЕСА В САД

Как из Леса в Сад
Через тьму идешь,
Там следы горят.
Где дорога в Сад?
В чаще – острый взгляд,
Словно светлый нож.

Много там следов,
Где века прошли,
Много там цветов,
Много там плодов,
Пир всегда готов.
Где он, Сад? Вдали!

Выявляет Лес
Много див своих.
Меж густых завес
Не видать Небес,
Но и здесь воскрес
Тоже звучный стих.

Вековечный круг,
Он и здесь воскрес.
Север есть и Юг,
И Восток и друг,
И зеленый луг
Для живых телес.

Возлежи, пируй,

Всех цветов не счесть,
Ты цветок, ликуй,
Нежен лепет струй,
О, целуй, целуй,
Если губы есть!

А когда к устам
Красный льнет закат,
По золотым следам,
Мы к иным цветам,
Мы к плодам-звездам
Удалимся в Сад.

ДУХ НАШ

– Дух наш, скажи! Дух наш, пророчь!
Отчего мы в заре и однако в печали?
– Ибо в темную ночь
Свет Христов вы проспали.
Кто проспал, тем на дню невозможно помочь.

– Дух, помоги! Дух, измени!
Опрокинуть не можем ли час наш и время?
– Будут новые дни,
Сейте светлое семя,
Стебель в новые дни, возрадив, наклоня.

– Дух, мы хотим! Дух, преклонись!
Мы глядим, мы не спим, не уснем, помоги нам!
– Обойми кипарис.
Спи. Но, чуть по долинам
Брызнут росы, проснись, и молись, и молись.

ПРОЩАНИЕ

Ты прости-прощай, тело белое,
Тело белое, лик земной.
Ты лежишь теперь, онемелое,
Онемелое под Луной.

Я жила в тебе, тебя нежила,
В тебе нежила сон венца.
Но меня всегда ты мятежило,
Ты мятежило без конца.

А теперь пора расставаться нам,

Расставаться нам – так всегда.
Нужно в Небо мне, вновь скитаться там,
Вновь скитаться там, как звезда.

Я отдам тебя на съедение,
На съедение злым червям.
Все же бывшее единение,
Единение радость нам.

Ты служило мне зыбкой лестницей,
Зыбкой лестницей к вышине.
Я была тебе светлой вестницей,
Светлой вестницей в нежном сне.

И когда опять в мире встретимся,
В мире встретимся в должный час,
Друг во друге мы в миг отметимся,
Вмиг отметимся блеском глаз.

Но хотя вдвойне возрождение,
Возрождение примет свет,
Для минувшего – возвращения,
Возвращения больше нет.

И любя любовь, и любя тебя,
И любя тебя вдвое вновь,
Будем счастливы, о былом скорбя.
О былом скорбя сквозь любовь.

ДУХОВНЫЙ САД

Темный и светлый духовный наш Сад,
Солнце зашло, но не гаснет закат.
Красные вишни, золотой виноград.

Ягодки словно цветы – барбарис,
В яблоках ясно румянцы зажглись,
Темный, как терем ночной, кипарис.

Нежно обнявшись с последним лучом,
Лилия дремлет и грезит. О чем?
Уж не опустит тот луч, нипочем.

В чашу вбирая, но тем не губя,
Пресуществляя, вдыхая, любя,
Белая, примет златистость в себя.

Скоро ночная сойдет тишина,
Лилия будет бледна, но видна,

В свету одета, и тайной сильна.

КАЖДЫЙ ЕСТЬ ЦЕРКОВЬ

Каждый есть церковь, и в каждом есть звоны,
В каждом высоко восходят амвоны.
Только когда
Он это забудет,
Света убудет,
Сердце воскликнет, что сумрак хорош,
Света убудет,
И гаснет звезда.

Что ж,
Сумрак красив,
Захватист и весело-ленист разлив,
Полая ширью владеет вода.
Сумрак хорош,
Можно ль уму возбранить
Выткать – какую понравится – нить?
Вольной быть хочет душа,
Своевольная тьма хороша.
Если вода затопила угоды,
Это весна,
Пир полноводья.
Полая влага, однако, мутна,
Полые воды – стоячие,
До предела всей мощи дошли.
Вспыхните, домыслы зрячие,
Пусть зазыбится в должных пределах волна.
О, внемли,
Своевольница, мысль человеческая,
Звездные зерна рассыпала в сумрак, там вон,
Чья-то рука,
Пахаря длань и отеческая.
Звездную стелют дорогу века,
Звездные росы,
Храмы встают, озаря откосы, вдали,
Звездные капли в качаньях морей,
Звездные души, к молитве идите, звездные души, скорее, скорей.

ЧЕТЫРЕ ЗНАКА

Поюще,
Вопиюще,
Взывающе,

Глаголюще.

Орлом седым поюще,
Тельцом вопиюще,
Могучим львом взывающе,
Как человек глаголюще.

Четыре знака нам,
Мирволющих страстям,
Лик четырех путей,
В различности страстей.

Орлиное пенье, орлиные крылья,
Мычанье и кротость тельца,
Львиный прыжок, все мое – без усилья,
И голос, глаголанье, гул без конца.

Куда ты захочешь, смотри,
И все, что восхочешь, бери,
Ты думал, путей только три,
Их в мире безбрежном четыре.

Ты – в Мире,
Мирское – бери.

Я беру себе крылья орлиные,
Хоть люблю я уютный хозяйственный мир,
Я беру себе шири пустынные, львиные,
И стозвонное пение лир.

Четверично – различно – стократно – единое.

Проходя по воздушным путям,
Я увидел безмерную долю,
От страстей через страсти к страстям и страстям
Улетаю, как все – им мирволю,
Но, когда я начну говорить, я глаголю,
И когда я пою, возвещаю я волю,
Что в великом кипеньи страстей,
Через которое должно пройти,
Чтоб узнать о едином пути,
О пути – от путей,
В голубой небосвод,
Где душа изберет из различности всей
Лишь простор – и полет.

ХЕРУВИМСКАЯ

Выше, ниже, Херувимы, образующие тайно

Свет и крылья, свет и дымы, лик возникший не случайно,
Жизнь творящей, нисходящей, восходящей ввысь огнем,
Трисвятую, Трисвятейшей, трисвятую песнь поем.

Да Царя, чей голос – громы в вихрях огненного дыма,
Чье величие – на копьях свитой Ангельской носимо,
Мы подыдем, света примем триединого Лица,
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя без конца.

НА ДОНУ

Это было на Дону, на Дону,
Вот уж третью я весну не усну.
И к чему ж я буду спать, буду спать?
Сирота нашел Отца, встретил Мать.
Там на тихом на Дону – Царский Дом,
Я пришел в пути своем в Царский Дом.
А при Доме этом сад, нежный сад,
И горит, да не сгорит, там закат.
И горит, который год, там восход,
Хоть считай, хоть не считай, спутан счет.
И, как тайна, по древам светит Храм,
Все листы-цветы, как свечи, светят там.
И со всех там сторон слышен звон,
Из каких колоколец льется он?
Из золотых колоколец, иль сердец?
Где начало этой песни, где конец?
И от птиц исходит глас, столь певуч,
Что во церкви там пробил быстрый ключ.
Ключ запел, закипел, побежал,
В синем Море, на просторе, пенный вал.
Я глядел, поглядел, стал я бел,
Я с ключом над цветком звонко пел.
Чудеса. Небеса – мой Отец,
Мать-Земля – моя Мать наконец.
У Отца – два венца на челе,
Злат венец, бел венец, свет во мгле.
Мать мою он в смарагды одел.
Я пою. Или вечно я пел?

МОЯ ГОЛОВУШКА

Ты пропой, моя головушка, соловушкой в саду,
Ты воспой, моя головушка, Вечернюю Звезду.

Ты пропой, моя головушка, о всех качелях дней,

Ты воспой, моя головушка, качанье в глубь ночей.

Ты пропой, моя головушка, про Каму про реку,
Ты воспой всех красных девушек, ночную их тоску.

Ты пропой, моя головушка, про реку про Курень,
Ты воспой всех добрых молодцев, уведших ночи в день.

Ты пропой, моя головушка, о вербе золотой,
Ты воспой ее цветение над вешнею водой.

Ты пропой, моя головушка, что Море хочет рек,
Ты воспой, моя головушка, как свят есть Человек.

КО ПРЕСТОЛУ КРАСОТЫ

У Престола Красоты
Все лазоревы цветы,
 А еще есть белы,
 А еще есть белы.

Тайно в сердце поглядим,
Там мы путь определим
 В вышние пределы,
 В вышние пределы.

Ко Престолу Красоты,
До высокой высоты,
Я дойду, и ты, и ты.
 Братья, будем смелы.
 Братья, будем смелы.

В каждом сердце – тайный храм,
Там иди по ступеням
 В сумраки безбрежны,
 В сумраки безбрежны.

Темны горницы пройдешь.
Светлы горницы найдешь,
 Светлы, безмятежны,
 Светлы, безмятежны.

Ввысь, по лестницам крутым,
Все вперед неукротим,
Луч увидишь, ты за ним,
 Сестры, будем нежны,
 Сестры, будем нежны.

Тот, кто первый кончит путь,

Может руку протянуть
В вышние пределы,
В вышние пределы.

А за ним, рука с рукой,
В высь взойдет еще другой,
Брат с сестрою белой,
Брат с сестрою белой.

Вместе все, и я, и ты,
Ко Престолу Красоты,
Как на яблоне цветы,
Души, будьте смелы,
Души, будьте смелы.

ЭТО БУДЕТ

Это будет – по весне.
Сам Пророк поведал мне.
Это явится в тот год,
Как в высотах зацветет,
Сон всемирный, Цвет-Гора,
Что из золота, серебра,
И вселенского Огня.
Это будет – для меня,
Для тебя, и для других,
Для своих, и для чужих,
И для каждого, для всех,
Он исчезнет, темный грех.
Отойдет, как черный дым.
Потечет Река-Сладим,
Позлатится Втай-Река,
Примет в воды все века,
Укрепитя Шат-Река,
Широка и глубока,
А по водам Тень-Реки
Заиграют огоньки,
А по вскипам Тень-Реки
Засверкают светляки.
Во Вселенной, в пеньи струй,
Все-то будет поцелуй.
Это будет. Светлый смех,
Раз во мне, он есть во всех.
Есть ли тьма, коль я горю?
Это будет, говорю.

– Кто сказал в начале?
Сколько слов? О чем?
– В роковом начале
Струны заиграли
В Небе золотом.

– Сколько капель в вале,
Пенистом, морском?
– Струны колдовали,
Капель не считали
В Небе голубом.

– Та ли жизнь в печали,
Как в огне живом?
– Струны прозвучали,
Песней все венчали
В Небе огнем.

– Будет ли в опале
Кто в конце святом?
– Свет конца – в начале
Струны веще знали
В Небе золотом.

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫЕ

Ризы нетленные,
Венцы семигранные,
И друзья неизменные,
И слова необманные.

И для вольных полей
Много пышных стеблей.
И в лугах табуны
Богатырских коней.
И Луна с вышины
С свитой солнечных дней.
И дрожанье струны
Все нежней и нежней.

И когда, день за днем,
Завершается год,
Серп звенит за серпом,
Жатвы хочет, поет.
Новый стебель растет,
Новый колос горит.
Умножается счет,

Изумруд, маргарит.
Бриллианты растут,
Ночи бархат плетут.

Золотую иглу
Кто-то держит, и шьет.
Бисер вызвездил иглу,
Умножается счет.

Светят ризы нетленные,
И венцы семигранные.
Вольны бывшие пленные,
Струнны радости жданные.

ЖЕРТВА БОЖЬЯ

Жертва Божья умиленна, он оставил ширь пустынь,
Сад развел, возделал нивы, истребил в полях полынь.
Кипарисные деревья он насадил в своем саду,
Он до Запада от Моря обозначил борозду.
Корень длинен и развилист в должном месте утвердил,
Мир сердец срастив в единость, тем взрастил цветистость сил.

Возросли благоуханно листья, ветви, целый сад,
Благодатный и снежистый, вызрел белый виноград.
Прилетела птица Сокол, золотой, спустился вниз,
Сел, жемчужный, сел, алмазный, на высокий кипарис.
В славном граде во Сионе, Сокол сел среди ветвей,
У него сидит под сердцем сладкозвучный Соловей.
Херувимом, серафимом, на двенадцать голосов,
Распеваает на две смены, по двенадцати часов.
Чинны, действенны, старинны, и первичны песни все,
В них, созданных, благовонны все цветы в своей красе.
Ах ты пташечка певуча, как утешила ты нас,
Звезды все – Седьмого Неба – ты влила в текущий час.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

– Здравствуй, братец. Ты был в Лесе?
– Братец, здравствуй. Где он, Лес!
Весь пройден. – Христос Воскресе!
– Брат, воистину воскрес.

СВЕТЛИЦА

Во поле чистом,
Цветком снежистым,
Стояла светлица,
В светлице Девица.
Светлей червонца,
Белее снега,
Краснее Солнца,
Желанней брега.
Виднее света,
Виднее зорь,
В лучи одета,
С лучом не спорь.

Во чистом поле,
На вольной воле,
Сияет светлица,
Меж дев там Девица.
Их убирает:
«Светитесь, девицы!»
И к ним взывает:
«О, голубицы!
Не озирайтесь
На сны пустынь.
А простирайтесь
Вперед. Аминь!»

ВЕРТОГРАД

Тот, кто вступит в Вертоград,
Кровью сердца купит сад,
Будет лишь о том жалеть,
Что за этот аромат
Мало он понес утрат,
Что терзаться был бы рад,
А была воздушна сеть,
Что за этот пышный сад,
Желтый, красный виноград,
Синий, черный виноград,
Что за этот свежий сад
Весь не может он сгореть,
Жить и вместе умереть.

ВИНОГРАДАРЬ

– Отчего под солнцем – разный
Виноград?
Ты скажи мне речью связной,
Я послушать буду рад.
– Я скажу тебе: зеленый
Оттого, что зелен сад,
Оттого, что дал законы
Нам Зеленый Вертоград.
Изумрудно-золотистый
Оттого, что в Небесах
Светит Солнце в день огнистый,
Месяц злат горит в ночах.
Виноград бывает красный
Оттого, что в сердце кровь
В храм телесный, в храм атласный
Вводит к празднику любовь.
Виноград бывает синий
Оттого, что пламень синь
Над небесною пустыней,
В ночь как гром поет «Аминь».
Виноград бывает черный
Оттого, что Ночь черна,
Хоть бросает в сад узорный
Зерна звездные она.
Виноград бывает белый
Оттого, что белы мы,
Хоть белей мы в побелелый
Праздник пляшущей Зимы.

НЕ ЗАБЫВАЙ

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Мы все там были, и будем вновь,
Гласит Любовь.
Престолы Неба, сады планид –
Для всех, кто зрит.
Несчетны Солнца, жемчужность Лун –
Для всех, кто юн.

А здесь, покуда свершаем чудо
Любви к любви.
Мы вечно юны, как звонки струны,
Мой зов лови.

Я здесь сияю призывом к Маю,
Мир вброшу в звон.
О, светоч Рая, ты, молодая,
Ты, сон времен.

Я Вечность – с днями, пожар – с огнями,
В ночи – набат.
Я терем новый, уток основы,
Я быстрый взгляд.

Я – здесь, с громами, с колоколами,
С игрой зарниц.
Я крик чудесных и благовестных
Весенних птиц.

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Когда ты счастлив, от счастья нем,
Он здесь, Эдем.
Когда ты темен, и мрак – твой взгляд,
Он близок, Ад.
Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.

ЧТО ГОРИТ?

Гляди, погляди,
Моя белая сестра,
Моя белая сестра.
Что горит позади?
Что горит впереди?
Чем горит вся гора?

Гляжу, погляжу,
Мой белый брат,
Мой белый брат,
Я тебе расскажу, –
Как пройдем мы межу,
Чем высоты горят.

За нами – пожар,
Мой белый брат,
Мой белый брат.
Последний пожар
Зловражеских чар
Отошедший чад.

Пред нами – Сион,
Мой белый брат,
Мой белый брат.
Весь мир освящен,
Мы – в Нем, в нас – Он
Град двенадцати врат.

Как мне легко,
О, путь серебра,
Моя белая сестра.
Мы были глубоко,
Воспарили высоко,
Моя белая сестра.

ТАМ

Там, где пиршествуют Ангелы, где пирует Дух Святой,
Там, где в синем светит ладане огонь червонно-золотой.
Там, где кедрами Ливанскими вам упрочен потолок,
Где, являя изобилие, смотрит лилия в поток,
Где любому сотрапезнику умощенья есть в ларцах,
Где в глаза былому безднику смотрят вестники в венцах,
Где с восторженностью жаркою вечно вновь глядят глаза,
Где вменилась в перстни яркие грозозная бирюза,
Где завесы златотканые весь являют звездный свод,
Где летает птица странная и всегда к весне зовет,
Где, покуда всяк обедает, вечно музыка слышна,
А никто-никто не ведает, чей напев и чья струна,
Я иду, и в светлы пирные я веду тебя, сестра,
И венец твой – злат-сапфировый, башмачок из – серебра.

ЗВЕЗДОЗАКОННИКИ

Звездники, звездозаконники,
Божией воли влюбленники,
Крестопоклонники,
Цветопоклонники,
Здесь в Вертограде мы все
В невыразимой красе.

Бездники, стали мы звездники,
В Вечери мы сотрапезники,
Цветопоклонники,
Звездозаконники,
Хлеб и вино – в хоровом,
Во всеокружном поем.

НЕТЛЕННОЕ

Мы найдем в нашем тереме светлый покой,
Где игрою столетий украшены стены,
Где лишь сказкою, песнею стали измены,
Чтоб за мигом был миг, за восторгом другой.

Я тебе загляну в бесконечную душу,
Ты заглянешь в мою, как взглянула б в окно,
Мы пойдем, что слияние нам суждено,
Как не может волна не домчаться на сушу.

Ты мне скажешь: «Мой милый! Наряд приготовь».
На тебя я надену нетленное платье.
Я тебя заключу – заключаю в объятия,
Мы найдем – мы нашли – в нашем сердце – любовь.

БЕЛЫЙ ПАРУС

Прости, Солнце, прости, Месяц, Звезды ясные, простите,
Если что не так я молвил про волшебность Корабля,
Если что не досмотрел я, вы меня уж просветите,
Ты прости мои роспевцы, Мать моя, Сыра Земля.

Может, я хождение в слове и постиг, да не довольно,
Может, слишком я в кружении полюбил одну сестру,
Как тут быть мне, я не знаю, сердце плачет богомольно,
Но не всех ли я прославлю, если ей цветы сберу.

Солнце, Месяц, Звезды ясны, Мать Земля, меня простите,
Лен в полях я возвращаю, дам обильно коноплю,
А моя сестра сумеет из цветочков выткать нити,
И сплетет нам белый парус с голубым цветком «Люблю».

ТРИ ИПОСТАСИ

Три ипостаси душ: познавшие, борцы,
И вскипы снов. Их три. Три лика душ, не боле.
Сплетаясь, свет и тьма идут во все концы,
Но им в конце концов – разлука, поневоле.

Сплетаются они, целуются они,
Любовные ведут, я вражеские речи,
Но вовсе отойдут от сумраков огни,
Увидев целиком себя в последней встрече.

Познавшие, когда из этой смены дней
Уходят, к ним идут три духа световые.

С одеждою, с водой, с огнем – к душе, и ей
Указывают путь в Чертоги Мировые.

Борцы, уйдя из дней, встречают тех же трех,
Но демоны еще встают с жестоким ликом,
И нет одежд, шипят вода с огнем, – и вздох,
И снова путь, борьба – меж пением и криком.

А вскипы снов, уйдя, вступают в темный строй,
Лишь кое-где горит созвездной сказки чара,
И снова сны кипят, вскипают волей злой,
И будут так до дня всемирного пожара.

Тря ипостаси душ, и две их, и одна,
Отпрянет свет от тьмы, и вызвездятся духи,
А сонмы тел сгорят. Всемирная волна
Поет, что будет «Вновь». Но песня гаснет в слухе.

РАЗЛИВ ВЕЧЕРНИЙ

Разлив зари вечерней отходит на отлив,
На стебле, полном терний, червонный цвет красив,
Багряные туманы плывут над морем нив.

Среди колосьев желтых – как очи, васильки,
И маки – побережье разлившейся реки,
Чьи воды – зрелость злаков, чьи воды – широки.

Концов Земли – четыре, в Ад, и Рай, всех шесть,
Концов Земли – четыре, на каждом Ангел есть,
А всех их в светлом мире, как звезд ночных, не счесть.

Четыре шестикрылых ток ветров стерегут,
На дремлющих могилах – цветы, и там, и тут,
Нас всех молитвы милых от тьмы уберегут.

Коль здесь мы не успели соткать себе наряд,
Коль светлые свирели не завлекли нас в сад,
В замену Вертограда увидишь мрачный Ад.

Но, там побыв во мраках положенные дни,
Познав, что в звездных знаках – доточные огни,
Ты выйдешь к свету в маках, – тогда не измени.

Минутность заблужденья – пройденная ступень,
За падшего моление – как в правде житый день,
Сияньем восхожденья удел земной одень.

Концов Земли – четыре, и страшных два, всех шесть,

Судеб Земли – четыре, при каждой Ангел есть,
Служите Миру – в мире, дорог Судьбы не счесть.

А ЧТО ВВЕРХУ?

Сион-Гора – сияние,
Высокое, горячее.
Голгоф – Гора страдание,
Стоокое, всезрячее.
А что вверху, у Батюшки,
Мученье иль восторг?
А что вверху, у Матушки,
Что Сын из тьмы исторг?

Уж если есть падение,
Есть лестница с низин.
Сион-Гора – видение,
Сходил к низинам Сын.
И сходит Он воистину,
Еще премного раз,
Когда любовь и истину
Мы прячем в тайность глаз.

В глаза Он к нам, в правдивые,
С Голгоф-Горы спускается,
Узнав, что мы – счастливые,
От боли отторгается.
Ведет нас снизу к Батюшке,
В превыспренность зыбей.
В Сион-Горе, у Матушки,
Есть сад для голубей.

ПОСЛЕДНЕЕ ВИДЕНИЕ

Я видел виденье,
Я впрянул с кровати,
На коей, недужный,
Воззрился я в темь.
Небесны владенья,
Сорвались печати,
Печати жемчужны,
Число же их семь.

Ночные пределы,
Крутились туманы,
Как пасти ужасны,

Над битвой ночной.
И конь там был белый,
И конь был буланный,
И конь там был красный,
И конь вороной.

И были там птицы,
И были там звери,
И были там люди,
И ангелов – тьмы.
В лучах огневицы
Пылали все двери,
В неистовом чуде
Там были и мы.

Сквозь каждые двери,
Стенные разломы,
Сквозь трещины, щели,
Врывались лучи.
И выли все звери,
И били их грома,
Под звоны свирели
Их секли мечи.

И лик был там львиный,
И лик был орлиный
И лик человеческий,
И лик был тельца.
Ломались спины,
Крушились вершины,
В безжалостной сече,
В крови без конца.

В небесных пожарах,
В верховных разрывах,
Стояли четыре
Небесных гонца.
И малых и старых,
Как стебли на нивах,
Косили всех в мире,
В огне без конца.

И только над крышей
Той бездны безбрежной,
Той сечи кровавой
Зверей и людей,
Все выше и выше.
Как сон белоснежный,
Вносились со славой
Толпы голубей.

ДУХ БРАЧУЮЩИЙ

Отошла за крайность мира молнегромная гроза,
Над омытым изумрудом просияла бирюза,
И невысказанным чудом у тебя горят глаза.

Темный лес с бродящим зверем словно в сказку отступил,
Сад чудес, высокий терем, пересвет небесных сил,
В Бога верим иль не верим, Он в нас верит, не забыл.

Обручил с душою душу Дух Брачующий, Господь,
Обвенчал с водою сушу, чтоб ступала твердо плоть,
Хлеб всемирный не разрушу, хоть возьму себе ломоть.

Стало сном, что было ядом, даль вселенская чиста,
Мы проходим в терем садом, нет врага в тени куста,
Над зеленым Вертоградом веселится высота.

В ВЕЛИКОМ ЗАРЕВЕ

Вот, я прочел, не отрываясь,
Все то, что должен был прочесть,
В великом зареве сливаясь
Со всем, что в Звездах звездно есть.

И там, где эти свечи Рая
Не достигают Красоты,
Я буквы вычеркнул, стирая,
Кривые выпрямил черты.

И там, где, в Вечность воплощаясь,
Возникла цельно кривизна,
Я долго медлил, восхищаясь,
Воскликнув: «Да живет она».

И там, где в стройные колонны
Сложились строки прямоты,
Я стих пропел, и, многозвонны,
Возникли храмы и цветы.

И там, где в очи смотрят очи,
Где на звезду глядит звезда,
Благословил я дни и ночи,
И быть велел им навсегда.

В великой грамоте, единой,
В гремящей книге Родослов,

Где каждый лист взнесен пучиной,
За каждой буквой сонм веков.

ДРЕВО

Наш Сад есть единое Древо,
С многолиственным сонмом ветвей.
Его насадила лучистая Ева,
В веках и веках непорочная Дева,
И Жена,
И Матерь несчетных детей.
Наш Сад посребряет Луна,
Позлащает горячее Солнце,
Сиянье заоблачных слав,
Изумруды для ствол-облекающих трав
И листов
Нам дарует свеченье нездешних морей,
И хоть нет тем морям берегов,
Можно в малое зреть их оконце,
Что в душе раскрывается в малых озерах очей,
В духе тех, кто, от вечного Древа
Воспринявши цветочную пыль,
Так покорен качанью зеленых ветвей,
Как покорен ветрам легкозвонный ковыль,
Где звучит – не звучит многозвучность напева.
И сияет наш Сад, и цветет,
И цветы голубые дает
Хороводно-раскинутый Синь-небосвод.
И с бессмертной усмешкой Адам
Повествует о Еве пленяющей нам,
Под раскидистой тенью единого Древа.

СЕДЬМЫЕ НЕБЕСА

Когда раскрылись нам Седьмые Небеса,
Когда под звонкий гул золотого колеса,
Промчались в высоте толпы крылатых птиц,
Мы чувствовали все, что светит нам краса
Непризрачных существ, нездешних колесниц.

Над каждым колесом, на некой высоте,
Был голубь, словно снег в нагорной красоте,
Четверократный блеск над каждым, кто был там,
Земное все – не то, а эти в высях – те,
И можно с ними быть, в это видно нам.

Как быстры кони все. Как сказочен их вид.
В очах у каждого был камень-маргарит.
А тело – стройное, жемчужно-пышный хвост,
У каждого из уст сияние горит,
Как будто он испил от разнствующих звезд.

И гривую взмахнув жемчужною своей,
Ярился каждый конь дрожанием ноздрей,
А вождь крылатых тех держал в руке ключи,
Всех жаждущих он мчал к нагорностям, скорей,
Туда, где первый день, последние лучи.

ЗВЕЗДОЛИКИЙ

Лицо его было как Солнце – в тот час когда Солнце в зените,
Глаза его были как звезды – пред тем как сорваться с Небес,
И краски из радуг служили как ткани, узоры, и нити,
Для пышных его одеяний, в которых он снова воскрес.

Кругом него рдьянулись громы в обрывных разгневанных тучах,
И семь золотых семизвездий как свечи горели пред ним,
И гроздя пылающих молний цветами раскрылись на кручах,
«Храните ли Слово»? – он молвил, – мы крикнули с воплем: «Храним».

«Я первый», он рек, «и последний», – и гулко ответили громы,
«Час жатвы», сказал Звездоокий. «Серпы приготовьте. Аминь».
Мы верной толпою восстали, на Небе алели изломы,
И семь золотых семизвездий вели вас к пределам пустынь.

ПРОРОЧЕСТВО БОЖЬИХ ЛЮДЕЙ

По левую сторону, в одеянии страшном,
Души грешные, сумраки лиц.
Свет и тьма выявляются, как в бою рукопашном,
Все расчислено, падайте ниц.

По правую сторону, в одеянии лучистом,
Те, которых вся жизнь жива.
Золотые их волосы – в красованьи огнистом,
Как под солнцем ковыль-трава.

Минуты отшедшие, не вспыхнувши золотом,
Тяжелым упала свинцом.
И в поле не полотом, и в сердце расколотом
Все размножилось цепким волчком.

Вы, время забывшие, вы Мира не видели,
Хоть к Миру пиявка и льнет.
Себя не украсивши, вы Солнце обидели,
Вас Солнце, вас Ветер сомнет.

Глаза ваши мертвые как будто бы вделаны,
Как будто они из стекла.
И стрелами будут дела, что не сделаны,
Зачем вас Земля родила?

Лежите в болотах гнилыми колодами,
В жерле ненасытных котлов.
Но к Солнцу – кто солнечный – веселыми всходами –
Взойдет до жемчужных садов!

ДВЕНАДЦАТИВРАТНЫЙ

И город был чистый и весь золотой,
И словно он был из стекла,
Был вымощен яшмой, украшен водой,
Которая лентами шла.

Когда раскрывались златые врата,
Вступали пришедшие – в плен,
Им выйти мешала назад красота
Домов и сияющих стен.

Сиянье возвышенных стен городских,
С числом их двенадцати врат,
Внушало пришедшему пламенный стих,
Включавший Восход и Закат.

В стенах золотилось двенадцать основ,
Как в годе – двенадцать времен,
Из ценных камней, из любимцев веков,
Был каждый оплот соплетен.

И столько по счету там было камней,
Как дней в семитысячьи лет,
И к каждому ряду причтен был меж дней
Еще высокосный расцвет.

Там был гиацинт, и небесный сафир,
И возле смарагдов – алмаз,
Карбункул, в котором весь огненный мир,
Топаз, хризолит, хризопрас.

Просвечивал женской мечтой маргарит,
Опал, сардоникс, халцедон,

И чуть раскрывались цветистости плит,
Двенадцатиструнный был звон.

И чуть в просияньи двенадцати врат
На миг возникали дома,
Никто не хотел возвращаться назад,
Крича, что вне Города – тьма.

И тут возвещалось двенадцать часов
С возвышенных стен городских,
И месяцы, в тканях из вешних цветов,
Кружились под звончатый стих.

И тот, кто в одни из двенадцати врат
Своею судьбой был введен,
Вступал – как цветок в расцветающий сад,
Как звук в возрастающий звон.

ОСАННА

- Что было у вас за пирами?
- Цветочные чаши, любовь.
- Что выше? – Все звезды над нами.
- Что в чашах? – Поющая кровь.
- Своя иль чужая? – Смешались.
- А песни? – Всегда об одном.
- В какой же стране вы остались?
- Осанну, Осанну поем.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 3.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>